Из истории сектанства в Якутской области.

Изъ исторіи сектантства въ Якутской области.

Не особенно давно въ петербургскомъ Религіозно-философскомъ обществѣ возникли горячія пренія по вопросу объ административномъ и судебномъ преслѣдованіи сектантовъ. Въ обществѣ нашлось много умѣлыхъ и горячихъ поборниковъ свободы совѣсти. Сторонники насильственныхъ мѣръ противъ сектантовъ почувствовали, что теряютъ почву подъ ногами,—и вдругъ одинъ изъ нихъ началъ утверждать, что въ Россіи въ настоящее время сектанты вовсе не подвергаются преслѣдованію. Только принадлежность къ скопческой сектѣ карается, какъ преступленіе,—говорилъ этотъ ораторъ. Ему возражали, что преслѣдованію подвергаются не одни скопцы. Ни у одного изъ поборниковъ свободы совѣсти не возникло сомнѣнія: дѣйствительно ли скопцы заслуживаютъ преслѣдованія? И если заслуживаютъ, то цѣлесообразна ли и нормальна ли та форма преслѣдованія, которая нынѣ практикуется?

Скопчество чуждо, непонятно русской интеллигенціи, и вопросъ о немъ какъ-то самъ собою выдѣляется изъ общаго вопроса о сектантахъ. По отношенію къ скопцамъ даже люди въ высшей степени интеллигентные способны высказывать, по меньшей мѣрѣ, странныя мнѣнія. Для примѣра укажу на Ал. Бычкова, написавшаго полную интереса брошюру о якутскихъ скопцахъ. Интеллигентность и вѣротерпимость Бычкова внѣ сомнѣнія. Но онъ пришелъ къ заключенію, что скопцы въ настоящее время не могутъ научить якутовъ ничему, кромѣ пріемовъ хищнической эксплоатаціи земли. Пребываніе въ Якутской области скопцовъ вредно для якутовъ.

— *И вотъ почему*, — продолжаетъ Бычковъ, — я настаивалъ уже нѣсколько разъ, настаиваю и теперь на томъ, чтобы ссылка скопцовъ исключительно только въ одну Якутскую область была отмѣнена, и чтобы живущимъ нынѣ въ Якутской области скопцамъ, наравнѣ со всѣми ссыльно поселенцами, *было предоставлено право*, по истеченіи хотя бы десяти лѣтъ пребыванія въ ссылкѣ, на выѣздъ изъ предѣловъ Якутской области... Прекращеніе высылки скопцовъ въ Якутскую область избавитъ край отъ лишняго гнета эксплоатаціи якутовъ скопцами, переставшими быть земледѣльцами и превра-

тившимися въ торговцевъ хлѣбомъ, добытымъ трудами якутовъ на якутскихъ земляхъ" *).

Не дико ли звучитъ это „и вотъ почему"? По мнѣнію Бычкова, скопцы должны получить облегченіе своей участи не потому, что они безвредны, и не потому что постигающая ихъ кара несоразмѣрно сурова, и не потому что Бычковъ вообще противъ вмѣшательства свѣтской власти въ дѣло религіозной совѣсти. Нѣтъ! Скопцамъ „должно быть предоставлено право" только на томъ основаніи, что ихъ пребываніе вредно для туземцевъ,—важнѣйшее право человѣка,—право передвиженія,—должно быть предоставлено скопцамъ только въ наказаніе за то, что они изъ полезныхъ землепашцевъ превратились въ вредныхъ (!) торговцевъ хлѣбомъ!..

Однажды мнѣ случилось разсказывать о сущности скопчества студенту, человѣку вполнѣ интеллигентному. Вдругъ мой слушатель выпалилъ:

— Вотъ кого дѣйствительно нужно душить!

Двухъ-трехъ словъ съ моей стороны было достаточно, чтобы студентъ покраснѣлъ, устыдившись своей фразы. Во всякомъ случаѣ характерна эта неустойчивость мнѣній русскихъ поборниковъ свободы совѣсти, какъ только рѣчь зайдетъ о скопцахъ и о скопчествѣ.

По уложенію о наказаніяхъ принадлежность къ скопческой сектѣ карается наравнѣ съ распространеніемъ скопческаго ученія. За принадлежность къ сектѣ скопцы подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ отдаленный край Восточной Сибири съ порученіемъ ихъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства. Въ настоящей статьѣ я постараюсь выяснить конкретно то содержаніе, которое заключаетъ въ себѣ эта репрессія; иными словами, я остановлюсь преимущественно на правовомъ положеніи ссыльныхъ скопцовъ и на мѣропріятіяхъ мѣстной администраціи **).

I.

До 1860 г. мѣстомъ для скопцовъ служилъ преимущественно Туруханскій край, непригодный для веденія сельскаго хозяйства. Въ 1860 г. всѣмъ туруханскимъ скопцамъ разрѣшено переселиться въ Якутскую область. Они тотчасъ снялись съ мѣста. Предполагалось, что они поѣдутъ на свой счетъ. Можетъ быть, такъ оно и было на пути отъ Туруханска до Иркутска. Но на дальнѣйшее путешествіе у многихъ не хватило средствъ, и они были вынуждены арестоваться. Въ архивѣ Спасскаго скопческаго селенія мнѣ случалось видѣть предписаніе Олекминскаго исправника на имя крестьянскаго Выборнаго Олекминской Мірской Избы о томъ, чтобы сельскія власти

*) Александръ Бычковъ, Очерки Якутской области. II. Скопцы въ въ ссылкѣ. Иркутскъ, 1902.

**) Желающимъ познакомиться съ жизнью скопцовъ въ ссылкѣ могу указать на статью Майнова въ „Сибирскомъ Сборникѣ" 1899 г. вып. 4-й (изд. газ. „Восточное Обозрѣніе") и на брошюру Гурьева: Сибирскіе скопцы, ихъ экономическое и правовое положеніе. Томскъ, 1900 года.

приготовились къ встрѣчѣ скопцовъ, ѣдущихъ изъ Туруханскаго края; при этомъ добавлено, что 95 человѣкъ ѣдутъ на свой счетъ, а остальные 129 человѣкъ—на казенный, при партіонномъ спискѣ.

Въ числѣ прибывшихъ въ это время скопцовъ были уроженцы всѣхъ концовъ Россіи, отъ Петербурга до Шемахи и отъ Бессарабіи до Тобольской губерніи. Главную массу составляли крестьяне—государственные, удѣльные и помѣщичьи, безъ замѣтнаго преобладанія той или иной категоріи. Встрѣчались бывшіе крѣпостные Гатчинскаго, Царскосельскаго и Ораніенбаумскаго дворцовыхъ управленій, имѣній Его Императорскаго Величества и Ея Императорскаго Высочества великой княгини Елены Павловны. Далѣе слѣдовали крѣпостные, приписанные къ разнымъ фабрикамъ: Ропчинской бумажной Ея Императорскаго Величества, Златоустовскихъ заводовъ, заводовъ Демидова и т. под.

За крестьянами идутъ бывшіе солдаты, начиная отъ молодого рекрута и кончая заслуженными инвалидами,—саперы, гренадеры и пѣхотинцы. Въ ихъ числѣ былъ 73-лѣтній старикъ Марко Швачько. Онъ за самооскопленіе выключенъ со службы при динабургскихъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, лишенъ двухъ нашивокъ на рукавѣ и высланъ первоначально въ отдаленный Сибирскій корпусъ; здѣсь, за упускъ арестанта, онъ былъ разжалованъ изъ унтеръ-офицеровъ въ рядовые, наказанъ шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ два раза и «для исправленія" заключенъ въ арестантскія роты на шесть лѣтъ, но за неспособностью къ работѣ сосланъ въ Туруханскъ.

Въ числѣ скопцовъ попадались и бывшіе мѣщане, главнымъ образомъ жители большихъ городовъ: Петербурга, Москвы и Одессы.

Особую категорію составляли бродяги, т.-е. лица, званіе и имя которыхъ остались не открыты. Процентъ ихъ былъ не малъ. Изъ числа 112 лицъ, статейные списки которыхъ мнѣ пришлось просмотрѣть, девять человѣкъ числились бродягами.

Среди всей этой массы сѣраго люда я встрѣтилъ только одно имя лица привилегированнаго сословія. Это—дочь подпоручика Матрена Леонтьева, сосланная на поселеніе въ силу Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта.

Леонтьева—единственное въ то же время лицо, участь котораго была рѣшена учрежденіемъ, обычно отправляющимъ законодательныя функціи. Судьба скопцовъ рѣшалась вообще самыми различными учрежденіями. Можно было считать счастливыми тѣхъ, кто попадалъ въ руки Губернскихъ Палатъ Уголовнаго Суда: они отдѣлывались ссылкой на поселеніе. Въ рѣдкихъ случаяхъ Губернскій Судъ приговаривалъ къ отдачѣ въ рядовые безъ выслуги, но это наказаніе, по Высочайшему повелѣнію, тотчасъ замѣнялось ссылкой на поселеніе. Неизмѣримо хуже бывало положеніе скопцовъ, если дѣло передавалось на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, отъ имени котораго, повидимому, объявлялись резолюціи особаго секретнаго комитета о скопцахъ. Въ этихъ случаяхъ за самооскопленіе почти всегда назначалось заключеніе въ арестантскихъ ротахъ отъ 8 до 12 л., а иногда каторжныя работы,

тоже на срокъ отъ 8 до 12 л. Стоитъ отмѣтить случай съ кр. Тобольской губ. Илларіономъ Николаевымъ: за самооскопленіе онъ былъ отправленъ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ въ силу простого распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Солдаты нерѣдко отдавались въ арестантскія роты безъ срока; въ этомъ случаѣ они попадали въ Туруханскій край только вслѣдствіе упраздненія арестантскихъ ротъ, предназначенныхъ спеціально для скопцовъ.

Обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя группы лицъ, сосланныхъ одновременно или имѣвшихъ одинаковую судьбу. Напримѣръ, мы встрѣчаемъ шесть человѣкъ „крестьянскихъ дѣтей тульскихъ переселенцевъ".—Это дѣйствительно дѣти. Въ моментъ прибытія въ Якутскую область имъ было уже отъ 18 до 24 лѣтъ; но всякому извѣстно, какъ долго тянулись судебныя дѣла въ дореформенныхъ учрежденіяхъ и сколько времени поглощали въ старину этапныя странствованія. Всѣ шестеро дѣтей принадлежали двумъ семьямъ: Аграфена, Марѳа, Екатерина и Кирьянъ Лягуновы, Евдокія и Кузьма Мигалины. Преступленіе, за которое „крестьянскія дѣти тульскихъ переселенцевъ" подвергнуты пожизненной ссылкѣ, формулировано въ статейномъ спискѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „по дѣлу объ участіи въ службѣ по обрядамъ, несообразнымъ съ церковными уставами, въ домѣ Никитина, сопровождавшимся пѣніемъ и плясками, рѣшеніемъ Правительствующаго Сената оставлены въ сильномъ подозрѣніи и, какъ принадлежащіе къ скопческой сектѣ, лишены всѣхъ правъ состоянія и сосланы безъ наказанія (варіантъ: безъ тѣлеснаго наказанія) въ Туруханскій край". Въ 1903 году я познакомился съ однимъ изъ этихъ „крестьянскихъ дѣтей", теперь уже старикомъ: онъ ждалъ отвѣта на просьбу о разрѣшеніи переселиться изъ Якутской области въ Томскую губернію.

Другую характерную группу составляли бывшіе защитники Бармазундской (Вармазундской?) крѣпости на Аландскихъ островахъ. Во время крымской войны изъ скопцовъ, отбывавшихъ наказаніе въ Бармазундской крѣпости, была сформирована особая скопческая рота. Во время осады нѣкоторые изъ скопцовъ были убиты, нѣкоторые ранены. По взятіи крѣпости скопцы, наравнѣ съ воинскими чинами, были отвезены въ Англію въ качествѣ военноплѣнныхъ. При обмѣнѣ плѣнныхъ скопцамъ было предложено на выборъ: остаться заграницей или вернуться въ Россію. Почти всѣ рѣшили вернуться въ разсчетѣ на манифестъ. Одинъ изъ этихъ ветерановъ Крымской войны Василій Рѣпинъ разсказывалъ мнѣ въ 1902 году о своемъ возвращеніи на родину:

По выѣздѣ изъ Англіи на седьмыя сутки мы прибыли въ Либаву. Трое сутокъ гуляли на свободѣ безъ всякаго надзора; потомъ отправились въ Митаву съ офицеромъ безъ конвоя. Офицеръ былъ добрый, населеніе привѣтливо. Въ Митавѣ военныхъ—къ военнымъ, насъ помѣстили въ особую казарму. Тутъ офицеръ Соколовъ потребовалъ всѣхъ къ тѣлесному осмотру. Мы съ отцомъ отказались, говоря:

— Мы неприкосновенны къ этой болѣзни, чисты, непорочны. Можемъ явиться только по скопческому дѣлу. Стыдно намъ обнажаться передъ всѣмъ народомъ.

— Дѣвушки вы что ли?

— Хоть и не дѣвушки, а въ родѣ того.

Офицеръ бросился съ кулаками въ дверь, ударился лбомъ о косякъ и, держась отъ боли за лобъ, закричалъ:

— Розогъ! Приготовить розогъ, завтра я этихъ дѣвушекъ самъ освидѣтельствую!

Я всю ночь не спалъ. Утромъ Соколовъ далъ тремъ солдатамъ по сто ударовъ за ограбленіе еврея. Я стою, дрожу, и сердце во мнѣ, какъ овечій хвостикъ, трепыхается. Соколовъ посмотрѣлъ на насъ, не сказалъ ни слова и ушелъ. Черезъ мѣсяцъ отправили насъ въ арестантскія роты въ Ригу, оттуда въ Кексгольмъ. Сперва шли безъ оковъ, потомъ въ оковахъ. За заслугу нашу думали пользоваться свободой, а тутъ показалось еще труднѣе, чѣмъ когда изъ дома уходили. Попечитель тюремныхъ замковъ Муравьевъ приказалъ намъ подать прошеніе о помилованіи. Въ день коронаціи на прошеніе дана милостивая резолюція: освободить скопцовъ отъ крѣпостныхъ работъ и сослать въ Туруханскій край навѣчно.

Рѣпинъ кончалъ свой разсказъ, когда въ комнату вошла его сестра, сгорбленная старуха, еще болѣе безкровная, чѣмъ братъ. Она обратилась ко мнѣ:

— Господа честные! Что это вы пишете, позвольте спросить?

— Хочу описать вашу жизнь въ газетѣ, чтобы всѣ знали.

— А кому это нужно?—Старуха вызвала Рѣпина въ прихожую и стала мягко укорять его, шамкая и хихикая:— Ахъ, дурашка, дурашка! Въ святые хочетъ попасть! — Вернувшись въ комнату, она вновь обратилась ко мнѣ:— Что жъ ему за это въ награду будетъ? Освобожденіе вышлютъ отъ пятидесятилѣтней неволи? Ха-ха!

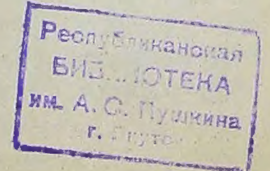
— Нѣтъ, не вышлютъ...

— Эхъ, дурашка!—беззвучно засмѣялась она и вышла.

Возвращаюсь ко времени прибытія туруханскихъ скопцовъ въ Якутскій край.

Къ концу лѣта 1861 года въ Якутской области было уже 595 скопцовъ и скопчихъ. Всю эту массу, согласно распоряженію высшаго начальства, предстояло разселить вдали отъ населенныхъ мѣстъ, по рѣкамъ Маѣ и Алдану. Дѣло усложнялось тѣмъ, что какъ разъ въ этотъ годъ случился неурожай хлѣбовъ и травъ. Выселеніе скопцовъ на рѣки Алданъ и Маю обрекало ихъ на голодную смерть. Якутское Областное Правленіе не рѣшилось на такой шагъ; для избѣжанія несчастныхъ случаевъ оно разрѣшило части скопцовъ поселиться въ 8 верстахъ отъ Якутска, части—въ Олекминскомъ округѣ. Такимъ образомъ образовались Мархинское скопческое селеніе подъ Якутскомъ и Алалайское—подъ Олекминскомъ.

Алалайское селеніе, впослѣдствіи переименованное въ Спасское, непосредственно примыкало къ городу: его улица—продолженіе городской улицы. Но поселеніе скопцовъ подъ городомъ было, можно сказать, вопіющимъ нарушеніемъ воли высшаго начальства, требовавшаго выселенія скопцовъ въ пустыни Алдана и Маи; поэтому оффиціально Алалайское (Спасское) селеніе всегда числи-

лось и, кажется, числится до сихъ поръ лежащимъ въ одной верстѣ отъ города.

Тѣмъ не менѣе, генералъ-губернаторъ уже въ 1863 году обратилъ вниманіе якутскаго губернатора на то, что поселеніе скопцовъ близъ городовъ произведено вопреки распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и предписывалъ не селить больше скопцовъ въ этихъ мѣстахъ.

При выборѣ мѣстъ для прочихъ скопческихъ деревень въ Якутскомъ округѣ, по свидѣтельству Ал. Бычкова (стр. 13), никогда не производилось предварительныхъ изысканій. Часто выбранная мѣстность оказывалась совершенно неудобною для земледѣлія, и скопцовъ „перегоняли" за 300—500 верстъ; постройки приходилось бросать; трудъ, потраченный на расчистку земли изъ-подъ лѣса, пропадалъ даромъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ скопцамъ приходилось по два и по три раза переходить съ мѣста на мѣсто. Что касается Олекминскаго округа, то здѣсь мѣста для всѣхъ четырехъ селеній оказались выбранными болѣе или менѣе удачно. Но самое оставленіе скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ уже являлось нарушеніемъ распоряженій центральной администраціи.

Такимъ образомъ, вопросъ о разселеніи сводился къ двумъ центральнымъ пунктамъ: 1) жить или не жить скопцамъ въ Олекминскомъ округѣ? 2) быть или не быть Мархинскому и Спасскому селеніямъ?

Въ 1863 году генералъ-губернаторъ, ставя на видъ неправильность поселенія скопцовъ близъ городовъ, не рѣшился, однако, тотчасъ уничтожить только что основанныя Спасское и Мархинское селенія; онъ запросилъ губернатора: многіе ли скопцы обзавелись въ этихъ мѣстахъ домами, и запрещеніе селить тамъ скопцовъ не повлечетъ ли за собою ихъ разоренія и другихъ неудобствъ? Якутскій губернаторъ отвѣтилъ, что въ Олекминскомъ округѣ скопцы съ особымъ рвеніемъ принялись за домообзаводство; ихъ деревни уже теперь выдаются красотою домовъ и хорошей обработкой земли; выселеніе приведетъ ихъ къ раззоренію, такъ какъ они затратили на хозяйство всѣ свои средства; губернаторъ отъ себя прибавилъ, что населеніе скопцовъ вдали отъ городовъ затрудняетъ надзоръ. Въ Совѣтѣ Главнаго Управленія рѣшено было оставить на мѣстѣ уже поселившихся, но не допускать приселенія новыхъ лицъ на Марху и въ Олекминскій округъ. Здѣсь деревни были обречены на естественное, съ теченіемъ времени, вымираніе; жители этихъ деревень жили все-таки подъ постояннымъ страхомъ выселенія.

Мархинское и Спасское селенія оказались наиболѣе удобными; скопцы постоянно стремились сюда изъ другихъ, болѣе глухихъ, деревень. Въ ходъ пускались всевозможныя средства,—и мѣстная администрація сдавалась... Уже въ 1865 году генералъ-губернаторъ (въ предписаніи отъ 6 сентября, за № 2461) говоритъ слѣдующее. Въ Якутскомъ округѣ, по неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ, поселеніе не представляетъ никакихъ удобствъ. Къ тому же большая часть скопцовъ — ремесленники, и потому трудно предполагать, чтобы между ними могло развиться сельское хозяйство. За отсутствіемъ сбыта ремесленныхъ произведеній скопцы не имѣютъ осѣдлости

на отведенныхъ имъ мѣстахъ; необходимо переселить ихъ. „Чтобы удовлетворить требованіямъ необходимости, я признаю совершенно неизбѣжнымъ и болѣе удобнымъ... поселить ихъ въ мѣстахъ, не дальнихъ отъ города Якутска, именно по Магану и Мархѣ, что дастъ возможность этимъ ремесленникамъ сбывать свои произведенія и заниматься огородничествомъ“. Всѣхъ вновь прибывающихъ генералъ-губернаторъ предписываетъ оставлять въ Олекминскомъ округѣ.

Въ 1868 году въ Спасскомъ скопляется уже 300 человѣкъ изъ общаго числа 365 человѣкъ, живущихъ въ въ Олекминскомъ округѣ. Полиція доноситъ, что первоначально отведенной сотни десятинъ земли уже не хватаетъ, и проситъ прирѣзать еще 300 десятинъ лѣса „въ поощреніе похвальнаго трудолюбія и для большаго развитія хлѣбопашества“.

Въ 1871 году получается указъ опять обратнаго характера, — подъ страхомъ отвѣтственности не оставлять вновь прибывающихъ въ Олекминскомъ округѣ. Въ семидесятыхъ годахъ принимаются строгія мѣры противъ развитія Спасскаго и Мархинскаго селеній: рѣшено было ждать, чтобы населеніе вымерло естественной смертью, новыхъ ни подъ какимъ видомъ не причислять. А въ 1884 году генералъ-губернаторъ (предписаніе отъ 2 мая, № 552) уже находитъ возможнымъ назначать въ Спасское и Мархинское новыхъ скопцовъ взамѣнъ дряхлыхъ и вымирающихъ; тотчасъ хлынула долго сдерживаемая волна переселеній въ эти деревни.

Въ настоящее время Спасское и Мархинское представляютъ собою многолюдныя, богатыя и благоустроенныя селенія. Переселенія сюда изъ другихъ деревень допускаются, но съ большимъ трудомъ. Стѣсненіе мотивируется недостаткомъ земельнаго надѣла и опасеніемъ раздоровъ изъ-за земли внутри общества *). Послѣднее опасеніе имѣетъ основаніе въ исторіи Спасскаго и Мархинскаго обществъ (подробности земельныхъ раздоровъ среди мархинцевъ можно узнать изъ брошюръ Бычкова и Гурьева).

Первоначально скопцы, наравнѣ съ прочими ссыльно-поселенцами, причислялись въ вѣдѣніе крестьянской волости. Затѣмъ якутская администрація предположила образовать изъ нихъ два общества: якутское и олекминское; поэтому первоначально Олекминское полицейское управленіе сносилось со „старшиной“ Алалайскаго (Спасскаго) селенія черезъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ, потомъ стало адресовать бумаги „старшинѣ скопцовъ Олекминскаго округа“ (1864 г.). Главное Управленіе Восточной Сибири нашло, что раздѣленіе скопцовъ на два общества неудобно, „ибо общества составляются изъ се-

*) Изъ Журнала Якутскаго обл. правленія 8 мая 1887 г., № 419, видно, что за три года было перечислено въ Мархинское 107 чел. и въ Спасское 48 чел. Ходатайства о новыхъ перечисленіяхъ продолжались. Было выяснено, что скопцы стремятся въ многолюдныя селенія и ближе къ городамъ въ ущербъ хозяйству, съ готовностью отказаться отъ земли. Областное правленіе проситъ окружное полицейское управленіе быть разборчивымъ въ разрѣшеніи перечисленій въ Спасское; къ перечисленію въ другія селенія, кромѣ Спасскаго и Мархинскаго, не должно быть препятствій. Въ 1901 году въ области числилось 1244 скопца, изъ н[illegible]ъ 582 человѣка жили въ Спасскомъ и Мархинскомъ селеніяхъ, обреченныхъ нѣкогда на изморъ.

мействъ, а скопцы семейства не имѣютъ; а потому можно только дозволять скопцамъ выбирать изъ среды своей старшинъ въ селеніяхъ съ утвержденіемъ ихъ начальствомъ". Съ 1865 года Олекминское Полицейское Управленіе адресуетъ бумаги „старостѣ скопцовъ Спасскаго селенія".

II.

Экономическихъ вопросовъ скопческой жизни я коснусь лишь постольку, поскольку они соприкасались съ правовымъ положеніемъ скопцовъ или находились въ зависимости отъ него.

Общее впечатлѣніе, получаемое отъ скопческой деревни, это—впечатлѣніе зажиточности, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и богатства ея обитателей. Но не слѣдуетъ принимать скопцовъ за однородную массу. Въ ихъ средѣ можно встрѣтить крупныхъ капиталистовъ, ведущихъ обороты на сотни тысячъ рублей, и рядомъ—пролетарія, эксплоатируемаго своими же единовѣрцами. На ряду съ крупнымъ сельскимъ хозяйствомъ, работающимъ жатвенными машинами при помощи наемнаго труда, вы встрѣтите здѣсь бѣдняковъ, копающихся въ огородѣ на небольшомъ клочкѣ земли и холящихъ свою единственную корову.

Въ 1865 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ преподалъ Генералъ-Губернатору Восточной Сибири руководящія начала политики по отношенію къ скопцамъ. Виды Министерства Внутреннихъ Дѣлъ сводились къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ *):

I. Цѣль высылки скопцовъ есть по возможности полное разъединеніе ихъ отъ общества. Удаленіе скопцовъ изъ внутреннихъ губерній въ отдаленные края Имперіи можетъ имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если сектанты будутъ поселяемы въ мѣстахъ, гдѣ для нихъ не представляется возможности вовлекать сосѣдей въ свою ересь.

II. Поэтому поселеніе скопцовъ въ городахъ и селеніяхъ или вблизи ихъ, при особомъ умѣніи скопцовъ подъ предлогомъ общественныхъ сношеній производить пропаганду и поддерживать связь съ коноводами своей секты, можетъ имѣть вредныя послѣдствія.

III. Для поселенія скопцовъ слѣдуетъ назначать преимущественно такія мѣста, которыя по климатическимъ условіямъ и качествамъ почвы могли бы вознаградить земледѣльческій трудъ, къ которому преимущественно передъ другими занятіями желательно было бы пріохотить скопцовъ, такъ какъ ремесленныя занятія заставляютъ имѣть болѣе или менѣе частыя сношенія съ сосѣдями, способствующія пропагандѣ.

Такимъ образомъ въ виды центральной администраціи входило ограничить занятія скопцовъ по возможности однимъ земледѣліемъ. Желѣзная экономическая необходимость дѣлала невозможнымъ достиженіе этой цѣли въ странѣ, больное мѣсто которой—отсутствіе ремесленныхъ знаній и навыковъ, и по отношенію къ людямъ, уже

*) Заимствую ихъ изъ брошюры Ал. Бычкова, стр. 10—11.

знающимъ ремесло, сродпившимся съ нимъ, а часто и не имѣвшимъ средствъ на обзаведеніе земледѣльческимъ инвентаремъ. Часть скопцовъ тотчасъ по прибытіи энергично принялась за земледѣльческую культуру; другая часть постоянно ставила на первомъ мѣстѣ городскія занятія; но и земледѣльцы въ періодъ восьмимѣсячной якутской зимы не могли не идти навстрѣчу спросу на ихъ ремесленный трудъ.

Среди скопцовъ было много прирождeнныхъ хлѣбопашцевъ, наголодавшихся отъ отсутствія привычнаго труда по тюрьмамъ и въ Туруханскомъ краѣ. Какъ ни ревностно принялись они за обработку земли, мѣстная администрація все-таки нашла нужнымъ проявить свое бумажное вмѣшательство въ это дѣло. Такъ, напр., олекминскій исправникъ Жуковскій предписываетъ старостѣ въ апрѣлѣ 1865 г. „нынѣшней весною непремѣнно обязать всѣхъ скопцовъ Спасскаго и Троицкаго селеній приступить къ расчисткамъ мѣстъ, переданныхъ въ пользованіе скопцовъ... Сколько десятинъ будетъ очищено, мнѣ донести въ свое время". А черезъ мѣсяцъ Жуковскій изъявляетъ скопцамъ искреннюю благодарность за разведеніе огородовъ и предписываетъ произвести новыя разсчистки, такъ чтобы къ пріѣзду новаго губернатора все было готово.

Что касается ремесленнаго труда, то прямо онъ никогда не запрещался. Стѣсненія выражались косвенными мѣрами: учрежденіемъ селеній въ пустынныхъ мѣстностяхъ, запрещеніемъ отлучекъ изъ деревни и т. п. Первоначально якутская администрація предполагала дозволить ремесленникамъ жить въ городахъ, разрѣшить живущимъ въ деревняхъ временный пріѣздъ въ городъ съ обязательствомъ ночевать на особыхъ постоялыхъ дворахъ, дозволить горожанамъ нанимать скопцовъ въ услуженіе. На это послѣдовала резолюція Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири (Журналъ 28 августа, 1863 г., № 4): „отлучки ограничить необходимо-нужнымъ срокомъ, ремесленникамъ жить въ городахъ, и вообще скопцамъ наниматься въ услуженіе не позволять". До полученія этой резолюціи олекминская администрація разрѣшила скопцу Іонѣ Игнатьеву наняться на одинъ годъ въ работники къ головѣ Семену Архипову. Оффиціально этотъ случай остался единственнымъ; неофиціально же сама администрація была вынуждена держать въ городѣ скопцовъ даже въ качествѣ наборщиковъ областной типографіи.

Въ 1873 году Главное Управленіе Восточной Сибири, вопреки собственному постановленію, предписало олекминскому исправнику уволить изъ Иллюнскаго селенія на Мачу (за 40 верстъ) 12 скопцовъ-плотниковъ для постройки золотопромышленныхъ резиденцій Гинцбурга и Каншина. Въ 1886 году было уволено въ предѣлахъ округа 10 человѣкъ для постройки каменной церкви. Мнѣ еще придется говорить о подобныхъ случаяхъ въ главѣ о разрѣшеніи скопцамъ отлучекъ.

Въ настоящее время процентъ ремесленниковъ среди скопцовъ очень великъ. Напримѣръ, въ Спасскомъ селеніи въ концѣ 90-хъ годовъ ихъ было 35 человѣкъ изъ общаго числа 164 жителей-мужчинъ. Нужно еще замѣ-

тить, что въ это время внѣземледѣльческія занятія скопцовъ не ограничивались ремесленнымъ трудомъ: многіе стали заниматься торговлей.

Стремленіе заниматься торговлей было обнаружено нѣкоторыми скопцами тотчасъ по прибытіи въ Якутскую область. Капиталы у нихъ были небольшіе, и торговыя заведенія представляли собою просто лари или жалкія лавчонки. Вскорѣ и это было запрещено. Въ 1870 году Якутское Областное Правленіе подтверждаетъ, что скопцы не имѣютъ права производить постоянную или временную торговлю въ городахъ и селеніяхъ, даже по торговымъ свидѣтельствамъ низшаго разряда; допущенная въ минувшемъ году по невниманію администраціи торговля должна быть прекращена.

Указъ областного правленія былъ немедленно приведенъ въ исполненіе. Но у скопцовъ, занявшихся было торговлей, остались на рукахъ кое-какіе товары, которые нужно было распродать. Въ Олекминскомъ округѣ полиція начала охоту... Однажды въ домѣ скопца Сергѣя Герасимова зашелъ переодѣтый казачій урядникъ и попросилъ что-то продать. Только что Герасимовъ исполнилъ просьбу, какъ въ домъ явились другіе чины, уже не переодѣтые... Этотъ визитъ нежданныхъ гостей обошелся Герасимову, захваченному на мѣстѣ „преступленія", въ довольно значительную сумму.

Просьбы о разрѣшеніи заниматься торговлей, подаваемыя высшему начальству (до Министра Внутреннихъ Дѣлъ включительно), оставались безъ удовлетворенія. Только въ 1888 году послѣдовало отъ генералъ-губернатора разрѣшеніе скопчихѣ Соймоновой производить торговлю по гильдейскому свидѣтельству. Въ 1896 году такое же разрѣшеніе дано Кирюхину уже якутскимъ губернаторомъ. Въ настоящее время многіе скопцы имѣютъ гильдейскія и промысловыя свидѣтельства.

Независимо отъ торговли привозными продуктами, скопцы занимаются перепродажей и поставками хлѣба. Это также вызывало противодѣйствіе со стороны администраціи. Такъ, въ 1885 году (25 октября, № 3992) олекминскій исправникъ Шахурдинъ писалъ старостѣ Спасскаго селенія: „Жители Олекминска заявляютъ жалобу на скупъ хлѣба скопцами Спасскаго селенія не только съ базара, но даже устраивая для сего караулъ на рѣкѣ М. Черепанихѣ, чѣмъ искусственно повышаютъ цѣну на хлѣбъ и лишаютъ жителей города пріобрѣтенія сего насущнаго продукта. Въ виду вполнѣ обезпеченныхъ (?) запасовъ хлѣба у скопцовъ и въ виду дѣйствующихъ на сей предметъ законоположеній, Олекминское Полицейское Управленіе предписываетъ тебѣ обязать скопцовъ не производить скупа хлѣба, а тѣмъ болѣе воспретить появленіе ихъ засимъ на тракту и даже продолжительное нахожденіе ихъ въ самомъ городѣ, согласно существующихъ распоряженій правительства въ отношеніи отлучекъ скопцовъ съ мѣстъ жительства".—Слѣдующій 1886 годъ былъ неурожайный; хлѣбныя цѣны быстро росли. Шахурдинъ дѣлаетъ распоряженіе: въ виду прекращенія продажи хлѣба скопцами и неумѣреннаго повышенія цѣнъ, скопцамъ предписывается выдать жителямъ города 500 пуд. по 2 р. 80 к.

Въ 1896 г. (11 декабря, № 6047) генералъ-губернаторъ приказалъ объявить скопцамъ, что виновные въ скупѣ хлѣба и огородныхъ овощей будутъ высланы на рѣку Алданъ.

Въ жизни ссыльныхъ скопцовъ важную и оригинальную роль играетъ вопросъ о наслѣдованіи имущества послѣ умершихъ.

Скопцы отправляются въ вѣчную ссылку за то, что „по заблужденію фанатизма“ сдѣлали то-то и то-то. Наблюдатель скопцовъ въ ссылкѣ прежде всего поражается той огромной ролью, которую играетъ въ ихъ жизни матеріальный разсчетъ. „Фанатическое“ религіозное увлеченіе и въ то же время погоня за земными благами,—это противорѣчіе, надъ которымъ стоитъ призадуматься. Какъ можетъ человѣкъ, высоко цѣнящій матеріальное благополучіе, отказаться отъ родины, отъ семьи, отъ свободы? Зачѣмъ эта аскетическая служба мамонѣ нужна людямъ, не имѣющимъ потомства? Обыкновенно гипертрофированная страсть къ деньгамъ среди представителей цѣлой общественной группы объясняется юридическимъ безправіемъ ея членовъ: деньги въ такомъ случаѣ—единственное орудіе въ борьбѣ за существованіе. Въ такомъ объясненіи много правды; въ значительной степени оно примѣнимо и къ скопцамъ.

Существуетъ, однако, и другое предположеніе: думаютъ, что скопцы пріобрѣтаютъ прозелитовъ денежнымъ соблазномъ. Но позволительно спросить: почему люди, примкнувшіе къ сектѣ ради денегъ, тратятъ эти же деньги на распространеніе секты? У скопцовъ, находящихся въ ссылкѣ, страсть къ деньгамъ не можетъ быть объясняема цѣлями прозелитизма уже потому, что прозелитизмъ въ Якутской области отсутствуетъ; притомъ ссыльные скопцы не только не оказываютъ помощи своимъ единовѣрцамъ въ Россіи, но и сами получаютъ пожертвованія изъ Россіи; сверхъ того, въ скопческой средѣ постоянно идутъ взаимныя тяжбы,—слѣдовательно, накопленіе имѣетъ личный, а не общественный характеръ.

Повидимому, всѣ эти соображенія игнорировались сибирской администраціей, которая смотрѣла на частныя имущества скопцовъ, какъ на фондъ, предназначенный для прозелитизма. Въ указѣ якутскаго областного правленія 16 сентября 1872 г., № 2543, сказано, что скопцы *для распространенія своего ученія* стараются пріобрѣтать денежныя средства и накопляютъ громадные капиталы, получая ихъ отъ умершихъ; поэтому полиціи предписывается строго слѣдить, чтобы имущество и капиталы умершихъ не переходили въ чужія руки: какъ только скопецъ заболѣетъ, полиція должна описать и сдать на храненіе все его имущество, а опись прислать въ областное управленіе; имущество умершихъ должно поступать въ экономическій капиталъ ссыльныхъ.

Въ то время всѣ скопцы считались еще ссыльно-поселенцами. Областное правленіе стояло на почвѣ закона, поскольку рѣчь не идетъ объ описи имущества еще при жизни заболѣвшаго скопца, котораго, такимъ образомъ, спѣшили хоронить заживо. Но какъ ни законно основное требованіе областного правленія, легко было предвидѣть, что указъ 1872 года цѣли не достигнетъ и создастъ лишь

[illegible] для систематическихъ нарушеній закона. Живя [illegible] обществомъ, при [illegible] повседнев-наго контроля со стороны властей, привыкшіе смотрѣть на вымороченое имущество „братьевъ“, какъ на достояніе самой общины (хотя бы въ лицѣ отдѣльныхъ ея членовъ), — скопцы имѣли и нравственное право (съ своей точки зрѣнія) и легкую физическую возможность ограничиться лишь фиктивнымъ исполненіемъ указа. Чины полиціи сами подвергались соблазну.

При самомъ бѣгломъ взглядѣ на описи бросается въ глаза ихъ фиктивность. Не забудьте, что указъ предполагалъ громадные капиталы, а скопцы, какъ бы они ни были бѣдны, все-таки имѣли собственныя хозяйства, инвентарь, утварь, запасъ хлѣба и, наконецъ, хоть небольшія оборотныя средства. Между тѣмъ, вотъ для образца всѣ описи за 1873 г. по Олекминскому округу:

№ 1. Тулупъ, халатъ, рубахи, шаровары, картузъ, сапоги, постель, мѣшокъ.

№ 2. Десятая часть деревяннаго дома; кое-что изъ мебели, одежды и посуды; постель.

№ 3. Половина дома, кое-что изъ мебели, одежды и посуды, старая деревянная ложка (оцѣнена въ 1 коп.).

№ 4. То же, что № 1.

Денегъ ни у кого ни копѣйки. Въ теченіе 20 лѣтъ стоимость имущества, оставшагося послѣ умершаго, очень рѣдко превышала 50 р. Только въ 1888 году, послѣ Ѳедора Васильева осталось имущества на 158 р., и было возбуждено слѣдствіе о сокрытіи денегъ; слѣдствіе не дало результатовъ. Отъ самихъ скопцовъ всякій можетъ слышать разсказы о томъ, что происходило въ случаѣ опасной болѣзни и послѣ смерти скопца. Человѣкъ, бывало, еще въ агоніи, а у него въ домѣ уже идетъ предварительный (не формальный) обыскъ... Все было грубо, примитивно. Можно себѣ представить, какое вліяніе производили на скопческую бѣдноту разсказы о находкахъ, сдѣланныхъ счастливцами!..

Такова самая грубая и въ настоящее время уже рѣдкая форма обхода указа 1872 г.; неудобство ея въ томъ, что нельзя скрыть недвижимость. Сверхъ того, рѣдкій изъ хозяйственныхъ стариковъ не пожелалъ бы наилучше использовать плоды своихъ многолѣтнихъ трудовъ. Поэтому вошло въ обычай принятіе въ хозяйство молодыхъ скопцовъ въ качествѣ „наслѣдниковъ“: въ каждомъ [illegible], которые готовы нѣсколько лѣтъ работать за одно содержаніе въ надеждѣ стать хозяиномъ послѣ смерти старика. Такой работникъ не можетъ идти въ сравненіе съ наемникомъ; онъ смотритъ на хозяйство, какъ на собственное, и работаетъ изъ всѣхъ силъ. Какъ форма правоотношеній, не предусмотрѣнная и не регулированная закономъ, сожительство старика съ „наслѣдникомъ“ ведетъ нерѣдко къ недоразумѣніямъ, въ которыхъ одна изъ сторонъ юридически беззащитна. Бываетъ, что старикъ безъ воз-[illegible] прогоняетъ [illegible], терпѣвшаго, такимъ образомъ, [illegible] трудовой [illegible]. [illegible] отношеній влечетъ еще другое [illegible]: послѣ смерти старика наслѣднику приходится [illegible] большіе [illegible]

общественныхъ и др. лицъ, чтобы укрѣпить за собою оставшееся имущество. Всѣ эти обстоятельства заставили скопцовъ идти дальше: старикъ еще при жизни по формальному акту продаетъ все свое имущество наслѣднику, а послѣдній даетъ обязательство содержать старика до его смерти. Но и при этомъ способѣ обхода закона недоразумѣнія неизбѣжны. Являются два хозяина въ одномъ дѣлѣ: старикъ считаетъ себя благодѣтелемъ, а продажу — [illegible], [illegible] же находитъ, что онъ оплатилъ стоимость имущества [illegible] работы и обязательствомъ содержать старика. Въ результатѣ — ежечасныя мелкія дрязги, отравляющія жизнь; попытка же разорвать связь, закрѣпленную формальнымъ актомъ, ведетъ къ безконечнымъ процессамъ.

Возможно ли устранить стремленіе скопцовъ къ обходу указа 1872 года? Если же невозможно, то что лучше: цѣною безконечныхъ процессовъ и деморализаціи (какъ скопцовъ, такъ и чиновниковъ) получать въ доходъ казны „громадные капиталы", выручаемые отъ продажи старыхъ деревянныхъ ложекъ, или предоставить скопческимъ обществамъ законное право распоряжаться выморочнымъ имуществомъ своихъ членовъ?

Въ концѣ концовъ за скопцами, перечислившимися въ крестьяне, было признано право составлять духовныя завѣщанія.

Въ 1872 году, по распоряженію Якутскаго областного правленія, была произведена опись всего имущества скопцовъ Олекминскаго округа. Описывались не только недвижимость и инвентарь, но и предметы личнаго потребленія,—мебель, утварь, посуда, одежда, ткани, даже запасы мыла, спичекъ и т. под. Эта опись, сохранившаяся въ архивѣ Спасскаго селенія, представляетъ интересный матеріалъ для исторіи быта и экономическаго положенія скопцовъ; но меня она интересуетъ не съ этой стороны. Въ моментъ описи въ Спасскомъ селеніи было 205 жителей обоего пола, въ Троицкомъ 139, въ Иллюнскомъ 52. Представляю въ таблицѣ нѣкоторые результаты описи:

Селеніе	Хозяйствъ.			Домовъ.			Головъ скота.	Телѣгъ.	Саней.	Самовары и мѣдная посуда.		Часовъ.	Вѣсовъ.	Стоимость всего имущества, кромѣ земли, въ руб.			Десятинъ огорода и пашни.
	[illegible]	Безъ недв. имущ.	Всего	Число.	Общая стоимость.	Средн. стоимость.				Хозяевъ.	Фунтовъ.			Общая.	Средняя на 1 имущаго.	Максимумъ на 1 хозяйство.	
Спасское	[illegible]	5	[illegible]	79	6765	85,₀	110	13	10	75	1079	47	[illegible]	10275	164	595	147¾
Троицкое	[illegible]	[illegible]	[illegible]	4[illegible]	903	19,₀	43	—	—	46	728	6	—	2818	51	318	87¾
Иллюнское	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1445	68,₀	10	—	—	12	[illegible]	11	—	[illegible]	132	48[illegible]	—

Рѣзко бросается въ глаза богатство спасскихъ жителей, особенно по сравненію съ троицкими. Нужно помнить, что

Спасское лежитъ подъ городомъ, было обречено на изморъ, и даже поднимался вопросъ объ его немедленномъ уничтоженіи. Въ 1876 году Якутское Областное Правленіе предписало провѣрять, налицо ли имущество, описанное въ 1872 году, и „на основаніи 783 ст. Устава о ссыльныхъ обязать скопцовъ общими подписками по каждому селенію отдѣльно въ томъ, чтобы они безъ вѣдома областного правленія не дозволяли себѣ продавать, ни закладывать или обременять долгами свое имущество". Такимъ образомъ, скопцы лишались права свободно распологать даже собственной одеждой, мыломъ и спичками; у одного ллюнскаго скопца попали въ опись деньги, — онъ лишался права тратить ихъ. Можно себѣ представить, какой переполохъ произвело требованіе подписки, особенно среди скопцовъ Спасскаго селенія. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ:

— Пришелъ я со сходки домой и плачу. Говорю отцу:—всѣхъ насъ выселятъ отсюда! Оцѣнили имущество въ полцѣны и запрещаютъ продавать,—хотятъ, видно, все отобрать. Отецъ говоритъ:—„Не въ первый разъ платимъ!"—И правда: собрали мы тогда 1000 рублей съ общества, поднесли и, слава Богу, живемъ на старомъ мѣстѣ. Это теперь намъ тысяча—ничто, а тогда, охъ, какъ трудно было!

Вся эта исторія съ описью и подпиской производитъ такое впечатлѣніе, будто она была затѣяна съ задней мыслью. Въ мартѣ (20-го) областное правленіе предписываетъ провѣрку и отобраніе подписки на оснoв. 783 ст. Уст. о ссыл., а въ ноябрѣ того же года оно же посылаетъ указъ (30-го ноября 1876 г.) съ извѣщеніемъ, что 783 статья уже съ 1863 (!) года не имѣетъ силы, что уже 13 лѣтъ назадъ ссыльно-поселенцы получили право распологать по своему усмотрѣнію своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ.

Тутъ мы входимъ въ область явленій, которыхъ ни одинъ изслѣдователь жизни ссыльныхъ скопцовъ не можетъ обойти молчаніемъ. Вдаваться въ подробности не буду, сошлюсь только на Ал. Бычкова, который въ своей брошюрѣ говоритъ: „Жизнь скопцовъ во всѣхъ мелочахъ подлежала строжайшему надзору полиціи. Такое не совсѣмъ нормальное положеніе... создало особую мѣру для охраны отъ придирокъ полиціи. Мѣра эта, довольно распространенная въ всей Сибири, извѣстна подъ общимъ названіемъ темныхъ сборовъ, являющихся одной изъ крупныхъ язвъ сельской общественной жизни Сибири. Темные сборы достигаютъ иногда громадныхъ размѣровъ, и злоупотребленія при расходованіи ихъ не поддаются никакому учету. Предназначенныя исключительно на подкупы чиновъ полиціи, по самой своей формѣ не подлежащіе контролю и идущіе непосредственно изъ рукъ старосты въ руки берущаго взятку,—суммы эти въ большей своей части прилипаютъ къ рукамъ старосты. Чаще всего темные сборы производятся по мѣрѣ надобности, и участіе въ сборахъ распредѣляется неравномѣрно: платятъ больше тѣ, кто больше заинтересованъ, и тѣ, кто побогаче; недостающая часть распредѣляется поровну между менѣе зажиточными. Никакихъ записей этихъ сборовъ не существуетъ" (Скопцы въ ссылкѣ, стр. 53).

Отъ себя добавлю, что мнѣ приходилось слышать объ оригинальномъ типѣ, который сложился подъ вліяніемъ особыхъ условій скопческой жизни: это — энтузіасты взятки; они вносятъ темный сборъ съ благоговѣніемъ, какъ вѣрующій—лепту на храмъ или патріотъ — жертву на алтарь отечества; сильному человѣку они суютъ взятку, ничего не требуя взамѣнъ, увѣренные, что ихъ доброе дѣло зачтется въ будущемъ. По отношенію къ скопцамъ остается и въ пореформенное время справедливымъ то, что сказано Щедринымъ о дореформенной Россіи: взятка — нашъ habeas corpus act. Перемѣна политики, исходящая сверху, нерѣдко претворялась на мѣстѣ только въ колебаніе таксы. Напримѣръ, курсъ на бумагу, заключающую въ себѣ разрѣшеніе одному человѣку перечислиться въ Спасское селеніе, колебался отъ 25 до 300 рублей, въ зависимости отъ того, насколько строгими являлись предписанія, исходившія изъ Петербурга и изъ Иркутска.

III.

Безусловное запрещеніе отлучекъ изъ селенія въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ и отказъ въ перечисленіи въ другія общества являются для скопцовъ тягчайшей стороной ссылки. Вопросъ объ отлучкахъ и перечисленіи имѣетъ свою длинную и поучительную исторію,—исторію слабыхъ надеждъ и тяжкихъ разочарованій.

Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ Якутское областное правленіе пришло къ заключенію, что безусловное запрещеніе отлучекъ не оправдывается мѣстными условіями. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири журналомъ 28 августа 1863 года, № 4, постановилъ: хотя законъ запрещаетъ скопцамъ отлучки, „но такъ какъ онѣ дѣйствительно необходимы при условіяхъ края,—разрѣшить ихъ на необходимый срокъ при особо строгомъ надзорѣ для сбыта скопцами своихъ произведеній и пріобрѣтенія всего необходимаго“ *). Понятіе о необходимомъ срокѣ весьма растяжимо, и потому важно знать, какъ примѣнялось на практикѣ постановленіе 1863 года.

Есть основаніе думать, что первое время отлучки въ предѣлахъ округа разрѣшались сравнительно легко. Это не нравилось мѣстнымъ торговцамъ, не привыкшимъ къ конкуренціи. Въ 1870 году со стороны купца Ѳедора Турупова послѣдовалъ къ генералъ-губернатору доносъ о томъ, что скопцы пріѣзжаютъ для торговли на Мачинскія золотопромышленныя резиденціи и въ с. Витимъ. Былъ сдѣланъ запросъ. Олекминскій исправникъ отвѣчалъ, что по гильдейскимъ свидѣтельствамъ скопцы никогда не торговали и въ Витимъ не допускались, а ѣздили только на Мачинскія резиденціи (за 40 верстъ отъ селенія) для продажи продуктовъ своего хозяйства—овощей и рыбы. Разъясненіе исправника было, повидимому, признано неудовлетворительнымъ. Вскорѣ послѣдовало предписаніе на имя скопческихъ старостъ и казачьяго урядника: собрать всѣхъ скопцовъ въ селенія и впредь не отпускать ихъ ни на резиденціи, ни къ жителямъ сосѣднихъ селеній.

---

*) Напомню, что торговля внутри скопческихъ селеній не допускалась.

Въ то же время отъ жителей была отобрана подписка о томъ, что они впредь не будутъ нанимать скопцовъ ни на какія работы. Затѣмъ 7 ноября 1872 года Олекминское окружное полицейское управленіе пишетъ (№ 1818): „Скопцы Иллюнскаго селенія распущены до того, что у каждаго резидента находятся въ работѣ“; поэтому предписывается: „Собрать всѣхъ и не увольнять никуда подъ страхомъ взысканія“, а жителей обязать „никогда не принимать къ себѣ въ работу скопцовъ подъ законной (!) отвѣтственностью“.

Мѣстныя условія постоянно вызывали нужду въ трудѣ скопцовъ-ремесленниковъ, и высшая якутская администрація вынуждалась отступать отъ строгихъ предписаній, исходившихъ сверху. Такъ, въ 1877 году потребовался ремонтъ монастыря въ городѣ Якутскѣ. Ремесленниковъ, которые могли бы исполнить работу, кромѣ скопцовъ, не оказалось, — и 11 человѣкъ скопцовъ были вызваны изъ дальнихъ селеній въ городъ. Около того же времени Якутское областное правленіе ходатайствовало вообще объ облегченіи участи скопцовъ. Въ Главномъ Управленіи Восточной Сибири докладъ по этому дѣлу былъ порученъ ст. сов. Усольцеву. Усольцевъ предложилъ признать, что „Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири, раздѣляя мнѣніе какъ о томъ, что поселенные въ Якутской области скопцы чрезмѣрно стѣснены установленными для нихъ правилами, получившими слишкомъ карательный характеръ отъ примѣненія ихъ въ Якутской области при нынѣшнихъ бытовыхъ условіяхъ оной, такъ равно и о томъ, что скопцы эти многолѣтнымъ безупречнымъ поведеніемъ на мѣстахъ ссылки и тою громадною пользою, которую они принесли краю посредствомъ образцовой дѣятельности по разведенію хлѣбопашества и сельскаго хозяйства, вполнѣ заслуживаютъ облегченія ихъ участи“. Поэтому Усольцевъ предлагалъ: 1) оставить скопцовъ на мѣстахъ ихъ настоящаго жительства и вновь прибывающихъ приселять, по усмотрѣнію губернатора, къ старымъ скопческимъ селеніямъ, чтобы поддержать эти „отлично-устроенныя селенія“; также предоставить губернатору право переселять скопцовъ, по ихъ прошеніямъ, изъ одного селенія въ другое, а въ случаѣ большого прилива новыхъ ссыльныхъ скопцовъ, учреждать новыя селенія; 2) дозволить скопцамъ не частыя отлучки въ города: не свыше чѣмъ на сутки для живущихъ вблизи городовъ и не свыше чѣмъ на недѣлю для жителей дальнихъ селеній; 3) скопцамъ, пробывшимъ въ ссылкѣ болѣе 10 лѣтъ, даровать права, предоставляемыя крестьянамъ изъ ссыльно-поселенцевъ, но безъ права разъѣзда по области и выѣзда за ея предѣлы. Что же касается предложенія Якутскаго областного правленія дать скопцамъ право принимать на себя строительныя работы и находиться въ услуженіи у постороннихъ, то Усольцевъ призналъ предоставленіе скопцамъ такого права небезопаснымъ.

Какъ видитъ читатель, Усольцевъ не предлагалъ ничего слишкомъ либеральнаго. Но его предложеніе встрѣтило суровый и рѣзкій отпоръ со стороны другого члена Совѣта, д. ст. сов. Ефимова, который подалъ свое особое мнѣніе.

Ефимовъ возражаетъ противъ мнѣнія о скопцахъ, какъ о примѣрныхъ хлѣбопашцахъ. Указавъ далѣе на 45 ст.

XIV т. Св. Зак. Уст. о пасп. и бѣглыхъ, гдѣ сказано, что паспорты скопцамъ не выдаются,—а также на 84 ст. уст. о предупр. и пресѣч. преступленій и 876 ст. уст. о ссыльныхъ, Ефимовъ заявляетъ, что въ законѣ нѣтъ указанія на случаи заслугъ, которыя могли бы давать поводъ мѣстному начальству ходатайствовать объ облегченіи участи скопцовъ. Такое облегченіе „можетъ способствовать не благосостоянію общества, а только нравственному успѣнію этой безобразной секты... По теоріи уголовнаго права чудовищное ученіе скопцовъ признается противнымъ не только природѣ и нравственности, но и существованію общества и государства, а сгруппированіе скопцовъ въ значительныя массы на одной какой-либо излюбленной ими... мѣстности будетъ равно преступному сбору заговорщиковъ противъ религіи, общества и государства". Далѣе Ефимовъ напоминаетъ, что на журналъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 30 ноября 1866 г. отъ Мин. Вн. Дѣлъ послѣдовалъ отвѣтъ, изъ котораго видно, что ни о какихъ льготахъ для скопцовъ не должно ходатайствовать. „За такими строго опредѣлительными предписаніями закона, министерства Вн. Дѣлъ и Главнаго начальства Восточной Сибири, подлежащими исполненію безъ возраженій и измѣненій, не должно бы уже кажется быть произносимо слово (!) о предоставленіи скопцамъ льготъ, отвергаемыхъ правительствомъ. Но начальство Якутской области постоянно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ходатайствуетъ о дозволеніи имъ отлучекъ и проживанія въ городахъ и переселенія ихъ изъ одного селенія въ другое, и о приселеніи вновь ссылаемыхъ скопцовъ къ поселкамъ уже водворенныхъ скопцовъ, — то-есть проситъ для скопцовъ все то, что именно для нихъ строго запрещено... Изъ совокупности же всѣхъ ходатайствъ якутскаго начальства очевидно стремленіе скопцовъ сгруппироваться около административнаго и торговаго центра области (г. Якутска) и преимущественно на урочищѣ Мархѣ... Преимущественное водвореніе скопцовъ на Мархѣ поведетъ къ увеличенію и организаціи массы ихъ вблизи города, и такимъ образомъ образуетъ около г. Якутска городище скопческое, и послѣдствіемъ своимъ непремѣнно будетъ имѣть: 1) питаніе надеждою скопцовъ губерній Европейской Россіи, что и по ссылкѣ въ Якутскую область они придутъ въ свой городъ, а это будетъ укрѣплять ихъ нравственно въ ихъ лжеученіи; 2) вредное вліяніе на прочее населеніе области"...

Въ заключеніе Ефимовъ предлагаетъ признать нераціональнымъ льготы, испрашиваемыя якутскимъ начальствомъ, и „предложить Якутскому губернатору, какъ блюстителю закона, воспретить подчиненнымъ ему мѣстамъ и должностнымъ лицамъ принимать на себя ходатайство подобнаго рода на пользу массы скопцовъ, вопреки закону и распоряженіямъ правительства, и имѣть въ виду, что подобныя ходатайства могутъ повести не къ удовлетворенію ихъ правительствомъ, а только къ обремененію... бумажною стороною дѣла тѣхъ мѣстъ и лицъ, которыя будутъ возбуждать и вести объ этомъ переписку".

Ссылка Ефимова на ст. 45 уст. о пасп. не выдерживаетъ критики, такъ какъ сельскіе жители вовсе не обязаны брать паспорта для отлучекъ въ городъ на базаръ,

на разстояніе нѣсколькихъ верстъ; еще менѣе требуются паспорта для хожденія въ городъ жителямъ подгородныхъ селеній. Запальчивая по тону, не всегда приличная по выраженіямъ и не совсѣмъ грамотная по изложенію, записка Ефимова не соотвѣтствуетъ обычному представленію объ оффиціальномъ документѣ. Несмотря на это, большинство членовъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири согласилось съ Ефимовымъ, и мнѣніе большинства, утвержденное генералъ-губернаторомъ, вступило въ законную силу. Записка Ефимова была разослана для руководства властямъ Якутской области; около четверти вѣка она имѣетъ силу непререкаемаго правительственнаго акта для якутской администраціи и для скопцовъ; нарушаемая по частямъ отдѣльными распоряженіями главнаго начальства Восточной Сибири, она не подвергалась оффиціальному пересмотру въ цѣломъ. (Особое мнѣніе Ефимова разослано при отношеніи 4 февраля 1878 г., № 109.) Посмотримъ, какъ принятіе записки Ефимова отразилось на положеніи скопцовъ.

До 1878 года случалось иногда, что по особымъ представленіямъ строителей церквей и золотопромышленныхъ Мачинскихъ резиденцій, генералъ-губернаторъ разрѣшалъ нанимать скопцовъ-ремесленниковъ. Теперь губернаторъ разослалъ исправникамъ приказъ не обращаться съ просьбами о дозволеніи скопцамъ отлучаться на строительныя работы. Въ томъ же году инородецъ Идельгинъ получилъ отказъ на просьбу отпустить скопцовъ для исправленія церкви. Немного позже (14 іюля 1879 г., № 2323) губернаторъ приказалъ вообще ни подъ какимъ предлогомъ не допускать отлучекъ. Исключеніе сдѣлано для жителей подгородныхъ селеній (Спасскаго и Мархинскаго): имъ разрѣшено отлучаться въ городъ „на срокъ не болѣе восьми часовъ дневного времени... Затѣмъ, никакіе скопцы не могутъ разъѣзжать по поселеніямъ“. Такимъ образомъ, скопецъ, живущій, напр., въ селѣ Троицкомъ (15 верстъ отъ Олекминска), ни подъ какимъ видомъ не могъ поѣхать въ городъ. Нѣкоторыя скопческія селенія лежатъ въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ; туземцевъ по близости нѣтъ; случись тамъ скопцу заболѣть,—онъ не могъ послать въ городъ за лѣкарствомъ; въ случаѣ пожара, наводненія, или эпидеміи нельзя дать извѣстіе сосѣдямъ.

Еще нелѣпѣе оказалось положеніе Спасскаго селенія: Оно отдѣлено отъ города улицей въ 2 саж. 1 арш. ширины; въ эту улицу выходитъ боковой фасадъ больницы; въ случаѣ внезапной болѣзни не „въ дневное время“ скопецъ не могъ переступить руковой границы своего гетто. На дѣлѣ, впрочемъ, по разсказу Олекминскихъ горожанъ, было такъ: на границѣ гетто отъ времени до времени ставился часовой. Завидѣвъ его, скопцы дѣлали складчину, староста отправлялся въ полицейское управленіе, и часового удаляли...

Гурьевъ въ своей брошюрѣ (стр. 74) передаетъ два случая. Скопецъ Барсуковъ нуждался въ камнѣ для вѣтряной мельницы; камень можно было выломать только въ мѣстности за 20 верстъ отъ селенія. Только послѣ долгихъ хлопотъ, благодаря заступничеству архіерея, Барсукову разрѣшили поѣхать за камнемъ. Въ другомъ случаѣ у скопца украли лошадей; онъ узналъ гдѣ ихъ скры-

ваютъ; но поѣхать за лошадьми скопцу не позволили. Онъ поѣхалъ самовольно (за 40 верстъ) и за то отсидѣлъ двѣ недѣли подъ арестомъ.

Въ 1881 году запрещеніе пошло дальше. Узнавъ, что скопцы отлучаются для рыбной ловли и т. п. верстъ за 20, Олекминскій исправникъ особымъ предписаніемъ запретилъ подобныя отлучки. Не только людскія поселенія, но и безлюдная тайга стала для скопцовъ недоступной, точно боялись оскопленія елей и сосенъ. Можно ли повѣрить, чтобы законодатель имѣлъ въ виду подобныя ограниченія, редактируя 45 ст. уст. о пасп. и другія, указанныя Ефимовымъ.

За скопцами зорко слѣдили мѣстные торговцы, боявшіеся конкуренціи. Въ августѣ 1884 г. на скопца Кирьянова поступилъ доносъ отъ чекурскаго крестьянина-торговца, Николая Иванова. Послѣдовало новое напоминаніе о запрещеніи отлучекъ.

Однако, неуклонное исполненіе мѣръ, принятыхъ согласно мнѣнію дѣйств. ст. сов. Ефимова, настолько шло вразрѣзъ съ требованіями жизни, что уже въ 1885 году, не отмѣняя обязательности общаго правила, генералъ-губернаторъ позволилъ нанять девять скопцовъ для построенія церкви въ одномъ изъ селеній Олекминскаго округа. Надо полагать, что „слово" о предоставленіи скопцамъ этого позволенія было произнесено помимо мѣстныхъ властей. Въ слѣдующемъ же году уже самъ якутскій губернаторъ рѣшился отпустить изъ Олекминскаго округа въ Якутскій на одинъ мѣсяцъ двухъ скопцовъ: Макара Мигачева и Ивана Линькова. Это было уже при генералъ-губернаторѣ гр. Игнатьевѣ, который задумалъ провести право отлучекъ, какъ общую мѣру.

Предложеніемъ на имя Якутскаго губернатора 14 іюля 1886 г., № 80, гр. Игнатьевъ извѣщаетъ, въ отвѣтъ на просьбы скопцовъ, что въ виду категорическаго запрещенія закона отлучки не могутъ быть дозволены просителямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Игнатьевъ призналъ справедливымъ изслѣдовать основанія, приводимыя скопцами въ оправданіе ихъ ходатайствъ, тѣмъ болѣе, что „нѣкоторыя изъ нихъ, какъ мнѣ пришлось лично убѣдиться, заслуживаютъ полнаго вниманія вслѣдствіе примѣрнаго трудолюбія скопцовъ и той пользы, которую они принесли развитіемъ хлѣбопашества и огородничества". Областному правленію предлагалось обсудить вопросъ, насколько полезно было бы предоставленіе скопцамъ права отлучекъ въ предѣлахъ Якутской области. При этомъ требовалось выяснить, не было ли случаевъ совращенія въ скопчество мѣстныхъ жителей, не обнаруживаютъ ли инородцы склонности къ скопчеству, каково значеніе хозяйственной дѣятельности скопцовъ для мѣстнаго населенія, могутъ ли скопцы, имѣя право отлучекъ, быть болѣе полезными населенію, какъ хлѣбопашцы, огородники и ремесленники. Наконецъ, областному правленію ставился вопросъ: въ случаѣ разрѣшенія скопцамъ отлучекъ, не слѣдуетъ ли ограничить это право опредѣленнымъ срокомъ и воспретить отлучки въ густонаселенныя мѣстности съ пришлымъ людомъ, напримѣръ, на пріиски?

Областное Правленіе разослало предложеніе генералъ-губернатора гр. Игнатьева исправникамъ для отзыва. Мнѣ

случилось видѣть отзывъ олекминскаго исправника. По его словамъ, за 25 лѣтъ попытокъ совращенія не было, кромѣ единственнаго случая оскопленія одного изъ сыновей сосланнаго скопца; крестьяне и инородцы не обнаруживаютъ склонности къ скопчеству; мѣстные жители стараются слѣдовать примѣру скопцовъ въ сельскохозяйственной дѣятельности; отлучки скопцовъ будутъ выгодны и самимъ скопцамъ, и коренному населенію.

Благодаря прикрѣпленію къ мѣсту,—писалъ исправникъ,—скопцы вынуждены продавать продукты и покупа.ъ товары на мѣстѣ, отъ заѣзжихъ купцовъ; мастеровые не имѣютъ заработка, а въ округѣ большой недостатокъ въ ремесленникахъ. Вообще, отлучки необходимы.

Попытка гр. Игнатьева не имѣла результатовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ 31 декабря 1887 г. отвѣтилъ на его представленіе, что Государственный Совѣтъ, разсматривая въ 1883 году законопроектъ о дарованіи правъ раскольникамъ, счелъ необходимымъ воспретить отлучки даже тѣмъ скопцамъ, которые оправданы по суду; тѣмъ болѣе нѣтъ основаній давать право отлучки скопцамъ, сосланнымъ на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Въ 1895 г. (18 августа, № 504) олекминскій исправникъ пишетъ скопческому старостѣ: „Строго предписываю вамъ отнюдь не увольнять скопцовъ безъ надлежащаго разрѣшенія далѣе мѣстъ, отведенныхъ имъ подъ хлѣбопашество, покосъ и расчистку". Подобное же предписаніе повторяется въ 1896 г. (№ 1705). Въ 1897 г.—еще два напоминанія о запретѣ (№ 44 и № 346), а затѣмъ разрѣшеніе (№ 403) скопцамъ Спасскаго подгороднаго селенія являться для продажи своихъ произведеній въ г. Олекминскъ на короткое время, подъ надзоромъ мѣстной полиціи. Въ это время началось почтовое пароходство. Скопцы выходили на пристань для продажи молока, хлѣба и овощей. Ожидая проѣзда генералъ-губернатора Горемыкина, полиція запретила скопцамъ показываться на берегу. Случайно Горемыкинъ пріѣхалъ раньше, чѣмъ его ждали, и увидѣлъ скопцовъ съ продуктами на берегу. Онъ не нашелъ въ этомъ ничего противузаконнаго, и скопцовъ уже стали пускать къ пароходамъ безпрепятственно.

Въ 1901 г. посѣтилъ Якутскую область генералъ-губернаторъ Пантелѣевъ. Среди скопцовъ произвело сенсацію данное имъ двумъ скопцамъ разрѣшеніе съѣздить полѣчиться въ Якутскъ. Пошли толки, ожиданія... Въ 1902 г. въ № 33 собр. узакон. и распоряженій правительства опубликовано Высочайше утвержденное 11 февраля 1902 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта касательно отлучекъ ссыльныхъ скопцовъ. Новымъ закономъ разрѣшены: 1) живущимъ въ Якутской области ссыльнымъ скопцамъ кратковременныя отлучки въ ближайшія торговыя мѣстности Якутской области; 2) женщинамъ-скопчихамъ проживаніе въ городахъ опредѣленное время.

Опредѣленіе сроковъ и условій отлучекъ скопцовъ и проживанія въ городахъ женщинъ-скопчихъ зависитъ отъ генералъ-губернатора. Въ 1903 году, при генералъ-губернаторѣ Пантелѣевѣ и губернаторѣ Скрыпицынѣ, отлучки стали допускаться довольно свободно. Но съѣздъ

административнаго персонала и перемѣна въ настроеніи мѣстныхъ правящихъ сферъ во всякое время можетъ свести на нѣтъ новый законъ.

До сихъ поръ я говорилъ только о кратковременныхъ отлучкахъ въ предѣлахъ округа. Но къ концу восьмидесятыхъ годовъ многіе скопцы успѣли пробыть въ ссылкѣ тройной десятилѣтній срокъ и все еще оставались ссыльно-поселенцами. Попытки добиться перечисленія въ крестьяне были еще въ 60-хъ годахъ: кое-кто обращался съ просьбой о припискѣ къ податному сословію на основаніи манифеста 28 октября 1866 года. Въ просьбахъ отказывали въ виду того, что Высочайшимъ повелѣніемъ 24 октября 1861 года скопцамъ назначена Якутская область безъ права приписки къ податнымъ сословіямъ, и въ манифестѣ 1866 года нѣтъ спеціальнаго упоминанія о скопцахъ. Прошло двадцать лѣтъ. Въ 1888 году трое—Кирюхинъ, Григорьевъ и Потатуровъ *)—рѣшились вновь поднять вопросъ о перечисленіи въ крестьяне; они ссылались теперь на манифестъ 15 мая 1883 г., на циркуляръ Департамента Окладныхъ Сборовъ 17 сентября 1888 г., № 1993 и разъясненный циркуляръ генералъ-губернатора 18 апрѣля 1888 г.

Олекминское окружное полицейское управленіе нашло это ходатайство вполнѣ законнымъ и дало благопріятный отзывъ о поведеніи просителей. Съ этого времени начинается постоянное перечисленіе въ крестьяне тѣхъ скопцовъ, которые пробыли въ ссылкѣ болѣе 10 лѣтъ, но перечисленіе *безъ права отлучки*. Эта оговорка не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, такъ какъ запрещеніе выдавать паспорта распространяется какъ на ссыльныхъ, такъ и на нессыльныхъ скопцовъ. Но съ переводомъ въ крестьяне скопцы получали по закону право перечисляться въ крестьянскія общества другихъ губерній. Платонъ Кирюхинъ, Иванъ Потатуровъ, Михаилъ Глѣбовъ, Глумовъ и другіе спѣшатъ возбудить соотвѣтственныя ходатайства.

Областное правленіе (отвѣтъ Глумову и Макарову), „не отвергая вообще права скопцовъ, перешедшихъ въ крестьянское сословіе, на перечисленіе ихъ въ другія общества Сибири, не встрѣчая, съ своей стороны, препятствій къ переводу просителей на жительство въ другія губерніи", отказываетъ въ ходатайствѣ только потому, что раньше разрѣшенія на въѣздъ изъ Якутской области должно быть получено увѣдомленіе казенной палаты о состоявшемся перечисленіи въ новое мѣсто. Дѣло, слѣдовательно, остановилось только за непредставленіемъ увѣдомленія съ мѣста новаго причисленія. Ивану Мельникову, одному изъ первыхъ, удалось добыть такое увѣдомленіе. Но едва онъ уѣхалъ въ Минусинскій уѣздъ, какъ получилось распоряженіе генералъ-губернатора отъ 19 іюля 1890 г., № 89, въ которомъ по поводу прошенія о перечисленіи вернувшихся въ православіе скопцовъ Воробьевыхъ говорится слѣдующее: „Въ виду отсутствія въ законѣ указанія на то, чтобы ссыльные скопцы по присоединеніи къ православію пользовались какими-либо преимуществами и имѣли бы право на переходъ въ дру-

*) Пробывшіе въ ссылкѣ отъ 26 до 30 лѣтъ.

гія сибирскія губерніи" въ прошеніи Воробьевымъ отказать. Вмѣстѣ съ тѣмъ областное правленіе увѣдомлялось, что разъясненіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1879 г., № 641, дается право на причисленіе раскаявшихся скопцовъ къ нескопческимъ деревнямъ, но исключительно въ той же Якутской области.

Мельниковъ былъ возвращенъ изъ Минусинска въ Якутскую область.

Насколько можно судить по самому тексту указа о возвращеніи Мельникова, ни разъясненіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, № 641, ни циркуляръ генералъ-губернатора № 89 не подходятъ къ настоящему случаю: въ нихъ говорится о лицахъ, вернувшихся къ православію, а Мельниковъ—скопецъ, приписанный въ крестьяне, какъ пробывшій въ ссылкѣ болѣе 10 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, ссылаясь на эти два распоряженія, областное правленіе стало систематически отвѣчать отказомъ на просьбы перечисленныхъ въ крестьяне скопцовъ о переводѣ въ другія губерніи.

Скопцы не могли удовлетвориться такой мотивировкой отказа. Марья Як. Соймонова прибыла въ Якутскую область изъ Туруханска въ 1861 г. Въ ссылкѣ пробыла уже болѣе 30 лѣтъ, когда получилось увѣдомленіе Иркутской казенной палаты о перечисленіи ея въ Тельминскую волость Иркутской губерніи. Якутское областное правленіе не позволяло Соймоновой выѣхать, ссылаясь на знакомый уже намъ отзывъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1879 г., № 641, изложенный въ предписаніи генералъ-губернатора 23 января 1880 г. № 111. Соймонова обратилась въ Сенатъ. Она указывала, что якутское областное правленіе не имѣло права отмѣнять распоряженіе иркутской казенной палаты, какъ равнаго себѣ мѣста; она доказывала, что отзывъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1879 г. № 641 утратилъ свою силу въ виду циркулярнаго предписанія департамента окладныхъ сборовъ 17 сентября 1888 г. № 1993, изданнаго съ согласія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а также въ виду мнѣнія государственнаго совѣта 3 мая 1883 г. о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданства; она указывала, наконецъ, что согласно увѣдомленію генералъ-губернатора 14 октября 1891 г. № 8408 Высочайшій указъ 17 апрѣля 1891 г., можетъ быть распространенъ и на скопцовъ. Сенатъ отвѣтилъ, что постановленія якутскаго областного правленія подлежатъ обжалованію въ якутскій областной совѣтъ. Областной совѣтъ на основаніи отзыва Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1879 г. № 641 утвердилъ рѣшеніе областного правленія.

Я не стану выяснять или указывать, что рѣшеніе областного правленія по дѣлу Соймоновой незаконно. Гурьевъ въ своей брошюрѣ *) основательно выясняетъ этотъ вопросъ и приходитъ къ заключенію, что запрещеніе скопцамъ перечисляться въ другія губерніи незаконно. „Такимъ образомъ,—заключаетъ Гурьевъ,—не было никакихъ основаній отказывать скопцамъ въ ходатайствахъ о примѣненіи къ нимъ льготъ, дарованныхъ манифестами

---

*) Сибирскіе скопцы. Ихъ экономическое и правовое положеніе. Томскъ. 1900 г. стр. 60—79.

14 ноября 1894 г. и 14 мая 1996 г. Но, повторяемъ, такихъ отказовъ было много" (стр. 68).

Заключеніе Гурьева нуждается въ поправкѣ. Онъ говоритъ, что отказовъ въ перечисленіи было много. Я утверждаю, что разрѣшеній перечислиться вовсе не было.

Соймонова продолжаетъ жить въ Якутской области. Надежда вырваться оттуда снова обманула стариковъ, изъ которыхъ многіе 40—50 и болѣе лѣтъ искупаютъ и не могутъ искупить то „заблужденіе фанатизма", за которое вѣротерпимое будто бы русское общество выбросило ихъ изъ своей среды. Ссылка скопцовъ—вѣчная ссылка изъ нея нѣтъ возврата. Впрочемъ... однажды Олекминское окружное полицейское управленіе извѣстило скопческаго старосту (12 августа 1869 г. № 1922), что вслѣдствіе предписанія якутскаго губернатора № 49 скопцы Ананій и Ѳедоръ Васильевы за вредное вліяніе на сотоварищей своихъ высылаются въ г. Иркутскъ подъ надзоръ тамошней полиціи. Выходитъ, что освободить человѣка изъ тюрьмы нельзя, а выгнать его изъ тюрьмы на улицу можно. О подкладкѣ этой исторіи лучше умолчу...

Мы видѣли, что главною цѣлью ссылки скопцовъ было изолированіе ихъ отъ остальнаго населенія. Понятно отсюда и запрещеніе не-скопцамъ жить въ скопческихъ селеніяхъ. Но на практикѣ эта мѣра трудно осуществима. Многіе скопцы ведутъ капиталистическое хозяйство, другіе пользуются наемнымъ трудомъ для болѣе трудныхъ работъ, вслѣдствіе своей дряхлости и слабосилія. Въ скопческихъ селеніяхъ можно имѣть заработокъ, — это достаточная приманка для туземнаго и пришлаго пролетаріата. Затѣмъ нѣкоторыя скопческія селенія благоустроеннѣе сосѣднихъ городовъ, въ нихъ можно найти лучшую квартиру,—это достаточное побужденіе для переселенія сюда людей зажиточныхъ. Наконецъ, къ скопцамъ пріѣзжаютъ съ родины родственники не-скопцы. О родственникахъ я буду говорить особо.

Что касается рабочихъ, то имъ иногда запрещали даже одну ночь ночевать въ скопческомъ селеніи. Въ 1869 г. 21 іюня засѣдатель Егоровъ, по распоряженію начальства, предписываетъ старостѣ Мархинскаго селенія собрать всѣхъ рабочихъ не-скопцовъ, немедленно разсчитать ихъ и запретить на будущее время постоянное жительство у скопцовъ въ работникахъ. Аналогичныя распоряженія дѣлались въ разное время и по другимъ селеніямъ. Но любопытно, что когда скопцы въ 1881 г. подали просьбу ген.-губернатору объ отмѣнѣ запрещенія ночевать работникамъ, то якутское областное правленіе 14 мая 1882 года заявило: „подобнаго запрещенія никогда и никѣмъ дѣлаемо не было".

Въ 1898 г. олекминскій исправникъ вновь требуетъ выселенія всѣхъ постороннихъ лицъ. Староста Спасскаго селенія отвѣчалъ (4 окт., № 127): „Предписанія эти мною объявлены скопцамъ, имѣющимъ въ своихъ домахъ постороннихъ лицъ, квартирантовъ, рабочихъ или родственниковъ, равно какъ и сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе... Этими дѣйствіями исчерпываются всѣ средства, имѣющіяся у меня въ распоряженіи, такъ какъ выдворить силою постороннихъ лицъ я не въ состояніи, во-1), потому, что мои распоряженія имѣютъ значеніе только

для скопцовъ, для лицъ же постороннихъ, проживающихъ въ селеніи, къ числу которыхъ принадлежатъ, напримѣръ, участковый врачъ и машинистъ Алданской экспедиціи, мои распоряженія не имѣютъ значенія. Кромѣ того, сельскій староста вообще не въ силахъ привести въ исполненіе такое распоряженіе, какъ выдвореніе людей изъ собственныхъ домовъ... Что же касается поименованныхъ въ предписаніи № 6095 лицъ, то нѣкоторыя изъ нихъ выбыли, Никита Борисовъ и Розпиковъ полные скопцы, живущіе въ селеніи больше 20 лѣтъ, и ссылаются на то, что это имъ было дозволено властями, а Марія Рѣпина больная старуха, калѣка, не владѣетъ руками, живетъ изъ милости у брата-скопца и потому выгнать ее изъ селенія значитъ обречь голодной смерти".

На это исправникъ пишетъ 12 октября (№ 6776), чтобы выселеніе пріостановить до особаго распоряженія; а 11 ноября (№ 7601) всѣ старосты извѣщаются, что запрещеніе скопцамъ принимать въ домъ постороннихъ лицъ отмѣняется со всѣми послѣдствіями.

Есть еще средство для изолированія людей,—стѣсненіе частной переписки. Якутская администрація запрещала писать въ письмахъ что бы то ни было о постороннихъ предметахъ и кому бы то ни было, кромѣ родственниковъ. Одно лицо хотѣло производить метеорологическія наблюденія и результаты отсылать въ редакцію спеціальнаго журнала, — ему запретили, такъ какъ редакція—не родственникъ наблюдателя. Другое лицо пишетъ изъ Олекминска въ Якутскъ, чтобы ему купили изъ первыхъ рукъ 1000 пудовъ мяса; отъ губернатора послѣдовалъ выговоръ исправнику: „просьба неисполнима, а потому (!) письмо не должно было пропускаться". Эти казусы относятся къ началу 80-хъ годовъ; это — не анекдоты: мой разсказъ основывается на документальныхъ данныхъ.

До 1878 г. письма скопцовъ не контролировались. Въ 1878 г. въ Олекминскѣ обострился раздоръ между полицейскимъ и почтово-телеграфнымъ вѣдомствами. Почтмейстеръ хотѣлъ держаться независимо отъ полиціи. Онъ публично заявлялъ, что полиція должна безпрекословно исполнять всѣ его требованія, что крестьяне-почтосодержатели подчинены только ему. Исправникъ жаловался, что почтмейстеръ окружаетъ себя неподобающимъ ореоломъ и третируетъ полицію. Тогда почтмейстеръ послалъ въ Иркутскъ доносъ, что корреспонденція скопцовъ не подвергается полиціей контролю. Выстрѣлъ оказался неудачнымъ. Исправникъ резонно отвѣтилъ, что онъ невиноватъ: почтовая контора не доставляетъ въ полицію писемъ, адресуемыхъ скопцамъ, и сама незаконно принимаетъ корреспонденцію отъ скопцовъ.

Одновременно съ отпиской по начальству исправникъ оффиціально предложилъ почтовой конторѣ доставлять полиціи всю корреспондецію скопцовъ.

Доставка писемъ въ полицію потребовала отъ почтмейстера массы новой работы на писаніе препроводительныхъ бумагъ, занесеніе въ журналъ входящихъ и исходящихъ, спеціальную отчетность и т. п. Попавши въ яму, которую копалъ другому, почтмейстеръ попытался избавиться отъ новыхъ обязанностей: онъ потребовалъ, чтобы въ дни прихода и отхода почты въ контору являлся

для контроля особый чиновникъ. Исправникъ отвѣчалъ, что подобное неумѣстное требованіе свидѣтельствуетъ лишь о склонности къ излишней и безполезной переепискѣ. Тогда почтмейстеръ заявилъ, что онъ можетъ согласиться только на доставку въ полицію простой корреспонденціи, страховая же не можетъ доставляться за отсутствіемъ чиновника для порученій. Спустя немного времени почтмейстеръ предъявилъ требованіе, чтобы полиція дѣлала надпись о просмотрѣ не на письмахъ, на конвертахъ, такъ какъ запечатываніе послѣднихъ составляетъ для конторы излишній трудъ.

Я нарочно излагаю мелочныя подробности этихъ пререканій, чтобы показать, что скопцы во всей этой исторіи явились страдающей стороной по пословицѣ: паны дерутся, у хлоповъ чубы летятъ.

Понявши, что самъ накликалъ бѣду на свою голову, почтмейстеръ попытался вернуться къ старому порядку, выдавая корреспонденцію непосредственно скопцамъ. Но врагъ не дремалъ: исправникъ произвелъ у скопцовъ обыски, нашелъ письма безъ полицейской отмѣтки и послалъ доносъ на почтмейстера.

Преданіе молчитъ о томъ, кто побѣдилъ въ этой героической войнѣ доносами. На долю скопцовъ во всякомъ случаѣ выпало въ чужомъ пиру похмелье. Внезапное введеніе контроля, помимо стѣсненія для всѣхъ вообще, чуть было не имѣло роковыхъ послѣдствій для нѣкоторыхъ бѣглецовъ.

При пожизненной ссылкѣ побѣгъ — единственный исходъ для человѣка, тоскующаго по родинѣ или неспособнаго удовлетвориться монотоннымъ прозябаніемъ въ глуши. Хотя скопца легко узнать по наружности, однако, побѣги рѣдко оканчивались неудачей. Число самовольныхъ уходовъ бывало приблизительно пропорціонально степени стѣсненій. Соблазнъ побѣговъ увеличивается, вслѣдствіе различнаго толкованія правового положенія скопцовъ. Сибирская администрація не допускаетъ ни отлучекъ, ни переселеній; въ глазахъ же властей Европейской Россіи скопцы—такіе же ссыльно-поселенцы, какъ и ссыльно-поселенцы другихъ категорій; такимъ образомъ скопецъ, пробывшій извѣстное число лѣтъ въ ссылкѣ, не привлекается за побѣгъ къ уголовной отвѣтственности, а только возвращается обратно, какъ безпаспортный.

Наибольшаго количества побѣговъ можно было ожидать въ первое десятилѣтіе по прибытіи скопцовъ въ Якутскую область. Тогда средній возрастъ поселенцевъ былъ ниже (слѣдовательно, энергіи больше), и домообзаводство не приковывало къ мѣсту, и климатическія условія казались тяжелѣе. Между тѣмъ въ этотъ именно періодъ число лицъ, числящихся въ неизвѣстной отлучкѣ, было ничтожно. По Олекминскому округу ихъ было въ 1873 г. только семь человѣкъ. Изъ ихъ числа слѣдуетъ исключить бродягу, сосланнаго подъ именемъ Григорія Плотицына. Это не тотъ моршанскій Плотицынъ—милліонеръ, процессъ котораго когда-то надѣлалъ столько шума, Настоящій Плотицынъ умеръ въ иццетѣ черезъ два года по прибытіи въ Якутскую область. Григорій же Плотицынъ — темная личность. Предполагаемая фамилія его

Холоповъ. Онъ воспользовался извѣстностью фамиліи Плотицына и выдалъ себя за его племянника Григорія съ цѣлью обиранія довѣрчивыхъ сектантовъ. Къ сектѣ этотъ самозванецъ никогда не принадлежалъ и вскорѣ по прибытіи въ Якутскую область скрылся. Такимъ образомъ остается всего шесть бѣглецовъ за двѣнадцать лѣтъ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, когда принято было къ руководству особое мнѣніе д. ст. сов. Ефимова, и на скопцовъ обрушивается рядъ стѣсненій, побѣги участились. Въ 1879 году изъ Вилюйскаго округа скрылись Степанъ З-бубинъ и Иванъ Красниковъ. Въ Олекминскомъ округѣ въ томъ же году исчезаютъ разомъ четверо, а затѣмъ бѣгутъ Михаилъ Гвѣдашъ, Яковъ Смирновъ и Дмитрій Овсянниковъ. При неожиданномъ введеніи контроля было перехвачено письмо изъ Тюкалинска: одинъ изъ бѣглецовъ сообщалъ свой адресъ и просилъ выслать денегъ на дальнѣйшій путь. Обыскъ въ Тюкалинскѣ не далъ результатовъ: бѣглецы успѣли выѣхать въ Россію. На этомъ и остановились бы розыски, если бы скопческая масса была такимъ компактнымъ и единодушнымъ цѣлымъ, какимъ она представляется поверхностному наблюдателю.

На самомъ дѣлѣ общее всѣмъ скопцамъ—только ихъ безправіе. Въ экономическомъ, интеллектуальномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ среди скопцовъ можно найти всевозможные ступени и оттѣнки — отъ пролетарія до капиталиста, отъ невѣжды до человѣка довольно интеллигентнаго, отъ строгаго сектанта до полнаго индифферентиста, и до человѣка, всей душой рвущагося вонъ изъ секты. Въ силу такой разношерстности рѣдкая скопческая тайна не становится явной всему свѣту, въ томъ числѣ и полиціи. Благодаря этому, обнаружился дальнѣйшій маршрутъ совмѣстно бѣжавшихъ Парфена Николаева, Терентія Работягова, Филиппа Пищикова и Михаила Горяинова.

Благополучно ускользнувъ отъ розысковъ въ Тюкалинскѣ, Мих. Горяиновъ въ письмѣ къ скопцу Дудкину описалъ подробности путешествія до Малоархангельска и далъ свой адресъ въ этомъ городѣ; объ остальныхъ бѣглецахъ онъ сообщилъ, что они остались въ Томскѣ. Письмо это получилось въ то время, когда почтмейстеръ вновь сталъ выдавать корреспонденцію, помимо полиціи. Болтовня о письмѣ дошла до исправника, который потребовалъ письмо отъ Дудкина. Дудкинъ сперва отрицалъ фактъ полученія; потомъ сказалъ, что письмо сожжено; наконецъ, признался, что оно находится у его сожителя Андрея Яковлева. Не желая подвергаться обыску, Яковлевъ досталъ изъ кармана письмо и отдалъ исправнику. Медленность почтовыхъ сношеній вторично спасла бѣглецовъ: пока дошла до Малоархангельска бумага объ арестѣ, они успѣли выѣхать въ Румынію.

Въ 1880 году скопчиха Агафья Кривоногова получила изъ Румыніи письмо слѣдующаго содержанія: „У насъ нѣкоторые стали появляться съ вашей стороны: Иванъ Красниковъ здѣсь, Степанъ Павловъ, Өома Васильевичъ и прежде одинъ,—всѣхъ четыре человѣка и они намъ все подробно говорятъ“.

При незнаніи языка пожилымъ людямъ трудно было ужиться въ Румыніи. Земледѣліе въ исконныхъ земледѣльческихъ странахъ скудно вознаграждаетъ за трудъ и требуетъ затраты капитала. Скопцы принимались за извозъ, но съ развитіемъ механическихъ способовъ передвиженія этотъ способъ сильно падаетъ. Далѣе, излюбленнымъ занятіемъ было мельничное дѣло, но въ настоящее время и въ этой отрасли конкуренція паровыхъ мельницъ дѣлаетъ промыселъ убыточнымъ. Въ результатѣ бѣглецы попадаютъ теперь въ худшія экономическія условія, чѣмъ въ Якутской области. Поэтому бываютъ случаи добровольнаго возвращенія въ мѣсто ссылки. Въ 1902 г. вернулся такимъ образомъ скопецъ Мирошниковъ. Говорили, что онъ привезъ отъ румынскихъ единовѣрцевъ наказъ не надѣяться на Румынію, какъ на тихую пристань для будущихъ бѣглецовъ.

По слухамъ, Мирошникова судили въ Якутскѣ за самовольную отлучку. Окружный судъ, разбиравшій дѣло въ апелляціонномъ порядкѣ, говорятъ, оправдалъ Мирошникова.

М. Ольминскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ исторіи сектантства въ Якутской области.

(Окончаніе [1]).

IV.

Свѣдѣнія о возрастѣ скопцовъ, прибывающихъ въ ссылку въ Якутскую область, не могутъ имѣть серьезнаго значенія для рѣшенія интереснаго вопроса о томъ, въ какихъ лѣтахъ люди наиболѣе склонны къ обращенію въ скопчество. Не говоря уже о томъ, что не всякій оскопившійся тотчасъ попадаетъ подъ судъ, нужно имѣть въ виду, что въ Якутскую область многіе попадаютъ по отбытіи каторги, а иные переводятся изъ другихъ мѣстъ ссылки. Напримѣръ, въ 1892 году просились о переводѣ изъ Туруханскаго края въ Спасское селеніе Вас. Береза, Фил. Коренковъ, Левъ Чуверовъ и Фил. Кривуновъ, сосланные десятки лѣтъ назадъ; изъ нихъ Кривуновъ осужденъ еще въ 50-хъ годахъ. Въ 1893 г. оттуда же перевелись: 1) Гавріилъ Мелентьевъ, осужденный при императорѣ Николаѣ I безсрочно въ арестантскія роты, а въ 1855 году переведенный въ Туруханскъ; 2) Иванъ и Ѳедоръ Меренковы,—изъ нихъ Ѳедоръ осужденъ въ 1834 году, будучи ребенкомъ 12 лѣтъ, слѣдовательно, ко времени пріѣзда въ Якутскую область пробылъ въ ссылкѣ уже около 60 лѣтъ.

Для исторіи якутскихъ скопцовъ представляютъ интересъ данныя объ ихъ возрастѣ въ нѣкоторые критическіе моменты прошлаго и въ настоящее время. Средній возрастъ ихъ въ 1861 году покажетъ, насколько только что прибывшая масса могла считаться способной къ борьбѣ съ суровыми условіями жизни въ новой странѣ. Средній возрастъ скопцовъ въ наше время можетъ пролить свѣтъ на нѣкоторыя черты ихъ характера и образа жизни.

Данныхъ о возрастѣ въ 1861 г. у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ; приходится пользоваться именнымъ спискомъ по Олекминскому округу за 1863 годъ: это, впрочемъ, не составитъ большой разницы.

Въ 1863 г. въ округѣ числилось 271 чел. скопцовъ об. пола. По возрасту они распредѣлялись такъ: до 20 л.—1, отъ 21 до 30 л.—50, отъ 31 до 40—74 чел., отъ 41 до 50 л.—70 чел., отъ 51 до 60 л.—41 чел., отъ 61 до 70 л.—25 чел., отъ 71 до 80 л.—6 чел. и отъ 81 до 90 л.—

[1]) См. августъ, стр. 155—181.

4 чел. Средній возрастъ 43 года. Преобладали люди въ цвѣтущемъ возрастѣ отъ 17 до 50 лѣтъ. Дряхлыхъ стариковъ и старухъ было меньше — 4%. Дѣтей не было. При такомъ возрастномъ составѣ трудолюбивому населенію можно съ увѣренностью предсказать успѣхъ въ хозяйственной дѣятельности, лишь бы климатъ и почва не ставили непреодолимыхъ препятствій.

Многіе скопцы явились въ область съ небольшими деньжонками; получались и пожертвованія отъ единовѣрцевъ изъ Россіи. Тѣмъ не менѣе, въ первые годы скопцамъ приходилось туго. Съ ихъ прибытіемъ заработная плата сильно пала. Въ Олекминскѣ, на постройкѣ казенныхъ зданій, скопцы (пильщики и плотники) получали 25 коп. въ день на своихъ харчахъ; за покосъ брали 1 р. 20 к. съ десятины (теперь 4 р.); заготовляли дрова по 30 к. за сажень (теперь 80 коп.). Цѣна хлѣба была 1 р. 20 к. пудъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и скопческія деревни уже выдѣлялись своимъ благоустройствомъ и хозяйственностью. Явилась возможность откладывать сбереженія. Стремленіе къ накопленію растетъ по мѣрѣ приближенія большинства къ безпомощному старческому возрасту. Черные дни впереди казались неизбѣжными. При отсутствіи естественнаго прироста населенія черезъ двадцать лѣтъ средній возрастъ долженъ былъ возвыситься до 60 и болѣе лѣтъ. Олекминскимъ скопцамъ трудно было разсчитывать на приливъ свѣжихъ молодыхъ силъ путемъ ссылки, такъ какъ новыхъ здѣсь вообще не оставляли; если же и были случаи массоваго оставленія, то лишь для основанія новой деревни (Усть-Чаринской). Въ 1894 г. въ Иллюнскомъ селеніи средній возрастъ достигъ для мужчинъ 58 л., а, за исключеніемъ одного молодого человѣка—62 лѣтъ. И это, несмотря на то, что въ 1891 г. иллюнцы, ссылаясь на свою дряхлость и малолюдство селенія, просили о назначеніи къ нимъ молодежи изъ новой партіи. Вѣроятно, какъ результатъ этихъ ходатайствъ мы и встрѣчаемъ въ 1894 г. одного молодого человѣка и одну шестнадцатилѣтнюю дѣвушку.

Передъ жителями Спасскаго селенія роковой вопросъ объ одряхлѣніи всталъ еще раньше, чѣмъ передъ иллюнцами. Въ началѣ 80-хъ годовъ процентъ мужчинъ старше 60 лѣтъ превышалъ четвертую часть населенія. Почти 68% мужчинъ и женщинъ были старше 51 года. Для поддержанія хозяйства и для облегченія бремени содержанія стариковъ администрація временно допустила приливъ молодыхъ силъ. Ген.-губернаторъ, указомъ 2 мая 1884 г., № 552, нашелъ возможнымъ назначить новыхъ скопцовъ въ Спасское и Мархинское селенія. Напомню, что за 6 лѣтъ передъ тѣмъ эти селенія были обречены на вымиранія. Перечисленіями въ эти селенія была достигнута цѣль, имѣвшаяся въ виду въ 1861 г. и затѣмъ оставленная: сохранить во всѣхъ селеніяхъ приблизительно одинаковую пропорцію лицъ различнаго возраста.

Изъ бывшихъ въ моемъ распоряженіи семейныхъ списковъ видно, что пропорціональность теперь достигается помимо всякихъ искусственныхъ пріемовъ. Въ Усть-Чаринскомъ селеніи средній возрастъ мужчинъ

(50 л.) ниже средняго по округу,—и это вполнѣ соотвѣтствуетъ особымъ условіямъ жизни. Чаринцамъ приходится жить исключительно земледѣліемъ и вести неустанную борьбу съ тайгой, вплотную облегающей селеніе; напротивъ, торговое Спасское селеніе легко выноситъ нѣсколько высшій противъ средняго возрастной составъ населенія. Но нормальной можно считать только пропорцію стариковъ въ Троицкомъ селеніи: они составляютъ здѣсь почти половину населенія (возрастъ свыше 61 г.), старухи—почти двѣ трети. Очевидно, это селеніе нуждается въ приливѣ лицъ рабочаго возраста.

Женщины распредѣляются по селеніямъ довольно равномѣрно. Ихъ нѣсколько больше въ земледѣльческихъ селеніяхъ—Троицкомъ и Усть-Чаринскомъ.

Высокій средній возрастъ до нѣкоторой степени объясняетъ особенности скопческаго образа жизни и ихъ нравственнаго облика. Къ старикамъ трудно предъявлять тѣ требованія энергіи, беззаботности, альтруизма и смѣлости, какія можно предъявлять къ молодежи и людямъ среднихъ лѣтъ. Далѣе, возрастъ долженъ приниматься во вниманіе при оцѣнкѣ хозяйственной дѣятельности скопцовъ. Объ этомъ предметѣ давно ведется споръ. Одни утверждаютъ, что скопцы—трудолюбивые работники-земледѣльцы; другіе возражаютъ, что они—только эксплоататоры. Скопцы дѣйствительно пользуются въ широкихъ размѣрахъ наемнымъ трудомъ. Но это во многихъ случаяхъ объясняется неспособностью къ труду стариковъ-хозяевъ и отсутствіемъ молодого поколѣнія, на которое легла бы тяжесть самыхъ трудныхъ земледѣльческихъ работъ. При переписи въ Мархинскомъ селеніи оказалось 48% хозяйствъ, не имѣющихъ лицъ рабочаго возраста (Ал. Бычковъ, „Скопцы въ ссылкѣ“, стр. 54)[1].

Въ спискѣ Иллюнскаго селенія мы встрѣтили дѣвушку 16 лѣтъ. Не добровольно ли пріѣхала она въ страну ссылки? Неужели въ этомъ возрастѣ можно подвергнуться присужденію къ пожизненной ссылкѣ? Вѣдь, это почти значило бы родиться человѣкомъ, уже приговореннымъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія...

Въ началѣ главы я упоминалъ о Ѳедорѣ Меренковѣ, который былъ осужденъ въ 1834 году, будучи двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, и который не могъ искупить своего преступленія (?) шестьюдесятью годами тюрьмы и ссылки. Плохо вѣрится, чтобы въ наше время даже взрослый, вполнѣ сознательный человѣкъ могъ бы подвергнуться столь продолжительному наказанію за какое бы то ни было уголовное преступленіе. Случается ли еще и теперь осужденіе дѣтей за принадлежность къ вѣрѣ ихъ родителей?

Я не рѣшусь дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Судя по наличному составу скопческаго населенія Олекминскаго округа, теперь ссылка дѣтей не

---

[1]) По Майкову (Скопческія селенія въ Якутской обл., Сибирскій Сборникъ, 1899 г., вып. II) возрастный составъ скопцовъ во всей области былъ слѣдующій:

		Всего	до 20 л.	21—40 л.	41—60 л.	старше 60 л.
Въ 1881 г.	мужчинъ	742	1 чел.	26,2%	42,2%	31,3%
	женщинъ	434	—	14,1%	51,4%	32,8%
Въ 1895 г.	мужчинъ	679	1%	16,9%	41,6%	37,4%
	женщинъ	302	0,7%	21,4%	42,2%	35,[illegible]%

практикуется; но она существовала въ очень недалекомъ прошломъ, при новыхъ судахъ, по приговорамъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ 1836 г. Владикавказскимъ Окружнымъ Судомъ былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія кр. Воронежской губ. Ермолай Хаустовъ, двѣнадцати лѣтъ. Преступленіе ребенка состояло въ томъ, что онъ, „по заблужденію фанатизма, оскопилъ или позволилъ оскопить себя". Въ статейномъ спискѣ противъ его имени стоитъ отмѣтка: „долженъ слѣдовать въ наручняхъ, съ бритой половиной головы". Родители Ермолая Хаустова—скопцы.

Вотъ еще нѣсколько именъ.

Андрей Курочниковъ—двѣнадцати лѣтъ, сосланъ на поселеніе; отецъ въ каторгу. Калужскій судъ.

Тимофей Кузнецовъ, тринадцати лѣтъ. Калужскій судъ.

Щеголевы братья—11 и 12 лѣтъ. Отецъ въ каторгу. Судъ въ Екатеринодарѣ.

Николай Густокашинъ, одиннадцати лѣтъ. Мать въ каторгу на шесть лѣтъ. Судъ присяжныхъ въ Перми.

Всѣ эти дѣти сосланы на вѣчное поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Остановлюсь подробнѣе на случаѣ съ Густокашинымъ. У меня въ рукахъ была оффиціальная копія приговора по этому дѣлу. Вотъ что сказано въ приговорѣ.

1888 года, 8 іюня. Пермскій Окружной Судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдательствующій баронъ А. А. Медемъ, члены А. Ф. Ильинъ и М. П. Вишневецкій; секретарь Н. А. Топорковъ; товарищъ прокурора П. Д. Чистяковъ. Въ числѣ обвиняемыхъ—Николай Густокашинъ. Судебный слѣдователь записалъ о немъ: званіе—крестьянинъ, степень образованія—неграмотенъ, средства къ жизни—живу при матери; религія „искупительская". Далѣе—показанія обвиняемаго:

„Я забылъ уже, когда у насъ были посланники Василій Титычъ и Яковъ Ивановичъ; они меня научили оскопиться, говорили, что „если ты это сдѣлаешь, то будешь нашъ ангелъ"; они учили меня поповъ не признавать, не признавать себя виновнымъ и въ оскопленіи. Я повѣрилъ посланникамъ и перешелъ въ искупительскую религію. Богу мы молимся, но религія запрещаетъ говорить, какъ молимся. Оскопилъ себя я самъ—вотъ скоро тому два года; мама ушла жать, а я остался дома, взялъ ножъ и отрѣзалъ себѣ то, что учили отрѣзывать посланники. Мать моя не знала о моемъ оскопленіи до самаго времени осмотра меня вами". Подпись судебнаго слѣдователя Левицкаго.

Николаю Густокашину было во время допроса одиннадцать лѣтъ отъ роду; присяжные признали его виновнымъ, дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ; онъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на вѣчное поселеніе. Мать Николая признана виновною въ его оскопленіи и отправлена въ каторгу на шесть лѣтъ.

Черезъ много лѣтъ я встрѣтилъ этого Густокашина. Онъ разсказывалъ:

— Когда мнѣ было четыре года, чуть помню, я былъ взятъ матерью въ скопческое собраніе. Я помню, мнѣ было скучно, что не было ровесниковъ и не съ кѣмъ

было играть. Я принимаюсь плакать. Тогда мнѣ кладутъ на колѣни цвѣтной платокъ, который, бывало, заинтересуетъ меня и утѣшитъ мои слезы. Потомъ и это не кажется чуднымъ; опять хныкаю. Другой разъ дадутъ шлепокъ сзади или новый платокъ съ другими цвѣтами,— конечно, это когда съѣдутся гости-скопцы; а когда нѣтъ никого, то платокъ замѣняла вица или ремень, чтобы не бѣгалъ по улицѣ съ ребятишками и не разсказалъ бы имъ скопческихъ секретовъ. Помню, матери очень тяжело было со мной, потому что я такъ и глядѣлъ вырваться играть съ ребятишками. Это было, когда мать жила въ домѣ своего отца съ роднымъ братомъ; потомъ они не поладили, и мать ушла со мной на квартиру. Тамъ семья большая, и всѣ православные. Однажды, помню, какъ ни наказывала мнѣ мать, чтобы не ѣсть мяса, но когда она ушла, я наѣлся за компанію съ ребятами,—и такія штуки на каждомъ шагу. Хозяевамъ я говорилъ, что-де знаю секретъ, только сказать не могу, мама отлупитъ. Должно быть, этими штуками я принудилъ свою мать къ тому, что она не стала меня брать по надобностямъ скопческой секты.—Мы прожили два года на этой квартирѣ, потомъ перешли въ свою избушку. Мнѣ было уже семь лѣтъ, я уже слушалъ свою мать. Она опять мнѣ запретила ѣсть мясо и бѣгать по улицѣ. Въ девять лѣтъ я уже былъ скопцомъ, а съ ребятами страхъ охота бѣгать: такъ и гляжу, чтобы мать куда ушла, сейчасъ же на улицѣ играю. Но мать мнѣ то и дѣло говорила:

— Коля, не отставай отъ меня. Меня погонятъ въ Сибирь, и ты показывай начальникамъ вотъ такъ, вотъ этакъ... Затверди наизусть.

Я, помню, тоже хитрилъ противъ матери: вотъ, думаю, тогда я побѣгаю по улицѣ, сколько хочу, и на катушкѣ въ масленку покатаюсь! — Черезъ годъ и мать, и меня уже представили къ слѣдователю на допросъ. Я отчеканилъ слова, заранѣе хорошо выученныя наизусть. Мать посадили, а меня отправили домой къ дядѣ до суда. И, вѣрно, моя хитрость вышла: побѣгалъ я до суда! Помню, говорилъ мнѣ дядя:

— Играй, Коля, до суда, а то, вишь, тебя въ острогъ потащатъ.

— Я не пойду.

— А къ матери? она въ острогѣ.

— И къ матери не пойду. Лучше тутъ буду съ тобой, дядя!

— Нѣтъ, тебя велѣли везти.

И что это такое думаю: мой же дядя и меня въ острогъ повезетъ! Потомъ дядя сказалъ, что скоро вернемся обратно домой, а теперь надо собираться. На другой день мы ѣхали въ судъ въ городъ Осу, Пермской губерніи; остановились въ деревни Гамицахъ, не доѣзжая 12 верстъ до города. Тутъ я присоединился къ скопцамъ, тоже готовящимся на судъ вмѣстѣ со мной, а дядя уѣхалъ, сказавши, что пріѣдетъ за мной. Ночь я спалъ хорошо, а потомъ другую не дали даже задремать, говоря:—Нельзя спать, завтра повеземъ тебя къ матери и на судъ. Мнѣ было очень скучно: кругомъ чужіе люди.

Помню, уже солнце было высоко, а меня подвезли къ высокому дому, завели туда и посадили на скамью. Все

мнѣ показалось чудно. Говорить не даютъ. Какой-то старикъ какъ крикнетъ на меня:—Не хныкать тутъ, а то вицей!—Гляжу, привели людей въ сѣрыхъ зипунахъ и тоже посадили съ нами. А свою мать я не узналъ. Сидѣли всѣ молча, а меня такъ и давитъ сонъ. Такъ, должно, и заснулъ, свалившись на спинку скамьи. Потомъ слышу, кто-то грубо сказалъ:—Прошу встать!—А я не могу оправиться отъ сна и встать. Тотъ же голосъ повторилъ:—Мальчишку подымите!—Меня взялъ подъ руку какой-то незнакомый скопецъ, и я вскочилъ на ноги. Что-то прочитали. Я ничего не понималъ. Потомъ подошла ко мнѣ мать и повела. Пошли и всѣ арестанты. Гляжу: съ ружьями кругомъ! Мнѣ стало страшно: ну, думаю, застрѣлятъ! Подошелъ ко мнѣ молоденькій скопецъ восемнадцати лѣтъ и пособлялъ идти до острога; а у меня ноги нейдутъ отъ страха.

Въ острогѣ скоро привыкъ. Только всѣ смѣялись надо мной: „спалъ на судѣ, а потомъ одичалъ, да глаза-то вытаращилъ!"—Только спалъ я въ острогѣ долго неспокойно: въ острогѣ видятся сны страшные,—будто придутъ солдаты съ ружьями и саблями, да и колятъ штыками. А арестанты смѣются надо мной:—„Я, говоритъ, видѣлъ, какъ здоровый клопище подошелъ, да цапъ тебя за руку, а ты и закричалъ: солдаты рубятъ! Рѣжутъ! Батюшки, мама, мама!—да и схватилъ за шею старика-то, скопца бородатаго. Вотъ такъ мама! А еще въ Сибирь тебя осудили! Какъ пойдешь? Тамъ звѣри большіе, а мать-то въ каторгу, вотъ одинъ будешь тамъ"... Я плачу бывало, а кругомъ смѣются.

А вѣрить я тогда въ курицу могъ: только бы на полку ее посадить! Что дѣлать? Вотъ уже одиннадцать лѣтъ живу въ Сибири. Скопцы не любятъ меня, говорятъ:—молодой, на сестеръ посматриваю да не такъ хорошо законы исполняю. А православные вовсе никакой свободы не даютъ. Уѣхалъ бы да жилъ, вѣрилъ бы только своей совѣсти, а не галиматьѣ. Нѣтъ никакого исходу. На прошеніе отказъ. Бѣда просто! Будешь кукушку хвалить, что лучше соловья... что дѣлать, вѣдь, я одинъ!.. Такъ ужъ, видно, судьбина...

Теперь Густокашинъ работаетъ то въ своей кузницѣ, то машинистомъ на паровой мельницѣ или при жатвенной машинѣ. Онъ давно переросъ скопческое міросозерцаніе, и скопцы не любятъ его за вольнодумство. Въ 1901 году онъ подалъ прошеніе генералъ-губернатору Пантелѣеву (при посѣщеніи имъ Якутской области) о разрѣшеніи хотя бы только ѣздить по Ленѣ въ качествѣ пароходнаго машиниста. Въ прошеніи былъ указанъ возрастъ, въ которомъ проситель былъ осужденъ. Повидимому, Пантелѣевъ не ожидалъ возможности осужденія человѣка въ такомъ возрастѣ; онъ, видимо, хотѣлъ помочь Густокашину. Но справка въ законѣ показала, что это невозможно: Густокашинъ присужденъ жить и умереть, не отлучаясь ни на шагъ изъ назначеннаго ему селенія. По закону, даже вполнѣ искренній переходъ въ православіе ни въ чемъ не облегчаетъ участи лица, осужденнаго за скопчество.

Много ли въ Якутской области лицъ, находящихся въ положеніи Густокашина, лицъ, съ рожденія обреченныхъ

ссылкѣ за то, что ихъ родители примкнули къ скопческой сектѣ? Статистики не имѣю. Но есть косвенныя указанія. Вотъ для примѣра перечень лицъ, судившихся по одному дѣлу съ Густокашинымъ.

	Агафья Ѳед. Кочина	80 л.	Ссылка на поселеніе.
Сынъ ея	Вас. Андр. Кочинъ	50 „	То же.
	Андр. Троф. Новиковъ	62 „	То же.
Дочь его	Нат. Андр. Новикова	35 „	То же.
	Варвара Павл. Ожгибѣсова	70 „	То же.
Сынъ ея	Ник. Никиф. Ожгибѣсовъ	26 „	То же.
	Миронъ Павл. Васенинъ	56 „	То же.
Дочь его	Степ. Мир. Васенина	22 „	То же.
	Агафонъ Ив. Овчинниковъ	48 „	То же.
	Евд. Ив. Овчинникова (жена)	48 „	То же.
	Григ. Петр. Байдинъ	31 „	То же.
	Евг. Аѳан. Байдина (жена)	30 „	То же.
	Пав. Ив. Звѣревъ	45 „	То же.
Сынъ его	Як. Павл. Звѣревъ	18 „	То же; мать осуждена позже.
	Пел. Ив. Мазунина	18 „	
	Матв. Ефим. Мазунинъ	46 „	
	Евф. Лавр. Патракова	48 „	То же. Три снохи; мужья осуждены раньше.
	Марфа Вас. Патракова	40 „	
	Анна Григ. Патракова	70 „	
	Над. Аѳан. Корякова	15 „	Оправдана.
	Над. Мих Густокашина	36 „	Каторга на 6 лѣтъ.
Сынъ ея	Ник. Як. Густокашинъ	12 „ [1]).	Ссылка на поселеніе.
	Петръ Ѳед. Павловъ	28 „	То же.
	Ник. Аѳ. Федосѣевъ	40 „	Каторга 6 лѣтъ.
Жена его	Василиса Ник. Федосѣева	36 „	Ссылка на поселеніе.
Сынъ ихъ	Конст. Никол. Федосѣевъ	13 „	То же.
Дочь ихъ	Екат. Ник. Федосѣева	14 „	То же.
	Максимъ Ив. Дульцевъ	73 „	То же.
	Алексѣй Никит. Субботинъ	73 „	То же.
	Анна Ив. Асѣева	57 „	Каторга 6 лѣтъ.

Итого изъ 30 обвиняемыхъ 6 человѣкъ (20%) несовершеннолѣтнихъ [2]); лицъ же, имѣющихъ скопцовъ-родителей—9 человѣкъ (около одной трети).

---

[1]) Въ моментъ суда 12 лѣтъ, при допросѣ у судебнаго слѣдователя 11 лѣтъ.

[2]) Пермскій окружный судъ такъ формулировалъ преступленіе дѣтей 11—13 лѣтъ: виновны въ томъ, что, „принадлежа къ скопческой сектѣ, однимъ изъ существенныхъ вѣрованій (!) которой выставляется отнятіе или поврежденіе дѣтородныхъ органовъ съ цѣлью лишить себя способности къ половому совокупленію и воспроизведенію (!) потомства, они, по заблужденію фанатизма, вырѣзали себѣ шулята или дозволили вырѣзать ихъ у себя какому-либо другому лицу“. Для дѣтей женскаго пола варіація: вмѣсто „шулята“—„вырѣзали себѣ малыя половыя губы“.

У меня въ рукахъ была еще копія приговора калужскаго суда 13 февраля 1873 г. Изъ 28 обвиняемыхъ оказались въ возрастѣ: 12 л.—1, 13 л.—1, 14 л.—1, 15 л.—3, 16 л.—2, 18 л.—1, 19 л.—1, 20 л.—2, всего несовершеннолѣтнихъ 12 человѣкъ (43%).

Ссыльныхъ скопцовъ въ Якутской области считается до 1,500 человѣкъ. Принимая минимальную изъ трехъ процентныхъ величинъ, только что приведенныхъ мною, приходимъ къ выводу, что въ настоящее время въ ссылкѣ находится до 300 человѣкъ скопцовъ, осужденныхъ въ дѣтствѣ и юности. По этому поводу мнѣ вспоминаются слова кн. Мещерскаго въ его газетѣ: „Въ основномъ законѣ сказано, что всѣмъ... русскимъ подданнымъ христіанскихъ и нехристіанскихъ вѣроисповѣданій предоставлено пользоваться свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры, и прибавлено: „Да всѣ народы, въ Россіи проживающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки, по закону и исповѣданію ихъ праотцевъ“.

Дѣти попадаютъ въ ссылку такъ же прочно, какъ и взрослые. Юноша Рѣпинъ, бывшій въ плѣну у англичанъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, до сихъ поръ не освобожденъ. Скоро будетъ праздноваться юбилей крымской компаніи. Придетъ ли въ голову кому-либо изъ участниковъ юбилейныхъ празднествъ, что нѣкоторые изъ защитниковъ отечества въ эту тяжелую войну до сихъ поръ томятся въ ссылкѣ, завѣдомо не совершивъ въ жизни ни одного преступленія?

Одна дѣвочка, сосланная за принадлежность къ сектѣ, впослѣдствіи приняла православіе и вышла замужъ за православнаго (въ 1885 г.). Когда у нея уже были дѣти, мужъ переѣхалъ въ Иркутскую губернію, устроился тамъ и рѣшилъ выписать жену съ дѣтьми. Жену не пустили,— она навсегда поселена въ Якутской области.

Въ 1882 году, по Высочайшему повелѣнію, 24 скопца, сосланныхъ въ дѣтствѣ, были помилованы. Какъ полноправные, они отбыли воинскую повинность. Ни одного изъ нихъ до сихъ поръ не выпустили изъ предѣловъ Якутской области (Ал. Бычковъ, стр. 3. Также газ. „Сиб. Листокъ“ 1900 г., № 81.)

Платонъ Кирюхинъ осужденъ шестнадцати лѣтъ, пробылъ въ ссылкѣ 42 года. Въ 1902 году, по особому ходатайству, ему разрѣшенъ переѣздъ въ Томскъ. Кирюхинъ— богатый человѣкъ; его родственники—коммерсанты въ Петербургѣ. По слухамъ, въ послѣднее время, по особымъ ходатайствамъ, были и еще случаи смягченія участи скопцовъ, осужденныхъ въ дѣтствѣ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что судъ общественной совѣсти (судъ присяжныхъ) не всегда такъ строгъ къ дѣтямъ, какъ строгъ онъ былъ по отношенію къ Густокашину и многимъ другимъ. Иногда выносятся „смягчающія вину обстоятельства“, порою случаются и полныя оправданія „по малолѣтству“. Сами скопцы объясняютъ различіе вердиктовъ не различіемъ существа дѣлъ, а различіемъ мѣстностей: въ однѣхъ губерніяхъ дѣтей, по большей части, оправдываютъ, въ другихъ обвиняютъ. Болѣе гуманными и просвѣщенными являются присяжные въ Тверской, Саратовской, Уфимской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ; самые жестокіе приговоры

бываютъ въ губерніяхъ Калужской и Пермской. Бываютъ, хотя и рѣдко, случаи, когда ребенокъ, очень рано оскопленный и *своевременно обнаруженный*, вовсе не предается суду.

Если ребенокъ, къ которому судъ отнесся снисходительно, добровольно послѣдуетъ за родителями въ Якутскую область, то онъ можетъ попасть въ худшее положеніе, чѣмъ осужденный въ ссылку. Изъ прошлаго я знаю два такихъ случая: о нихъ—въ слѣдующей главѣ.

Возвращаюсь къ вопросу о возрастѣ ссыльныхъ скопцовъ.

Въ періодъ отъ 1863 по 1884 г. въ Спасскомъ селеніи умерло 41 человѣкъ скопцовъ-мужчинъ. Средній возрастъ умершихъ—56 лѣтъ: онъ ниже, чѣмъ нынѣшній средній возрастъ наличнаго населенія того же селенія. Эта странность является результатомъ того, что среди скопцовъ сравнительно велика смертность въ молодомъ возрастѣ (до 35 лѣтъ). Это какой-то роковой періодъ. Скопецъ, достигшій 35 лѣтъ, можетъ съ увѣренностью разсчитывать еще на десятокъ лѣтъ жизни, такъ какъ въ возрастѣ между 35 и 45 годами случаевъ смерти почти не наблюдается.

По моимъ даннымъ, въ возрастѣ до 40 лѣтъ (въ сущности до 35) умерло около 25% всего числа умершихъ, тогда какъ количество живыхъ того же возраста не превышало 16% населенія округа, а въ Спасскомъ селеніи даже 13%. Мои свѣдѣнія очень недостаточны и по времени, и по мѣсту. Но провѣрить заключеніе объ особой опасности для скопцовъ возраста до 35 лѣтъ было бы во всякомъ случаѣ интересно: возможно, что этимъ путемъ былъ бы пролитъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о вліяніи оскопленія на общее состояніе организма.

Выдающихся случаевъ долголѣтія среди скопцовъ не замѣчается: несмотря на въ высшей степени правильный образъ жизни, хорошее питаніе, воздержаніе отъ табаку и алкоголя, скопцы-мужчины рѣдко живутъ болѣе 80 лѣтъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ болѣе 90 лѣтъ; столѣтній возрастъ среди нихъ неизвѣстенъ.

Женщинъ умерло въ Спасскомъ съ 1863 по 1884 г. 27, изъ нихъ двѣ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ; между 30 и 45 годами смертность среди женщинъ исчезаетъ, но послѣ 50 лѣтъ усиливается настолько, что свыше 70 лѣтъ живутъ немногія. Умерли въ возрастѣ: отъ 51 до 60 л.—8 женщинъ и отъ 61 до 70 л.—7 женщинъ. Средній возрастъ умершихъ женщинъ 59 лѣтъ.

V.

Въ 1898 году послѣдовало разрѣшеніе министра юстиціи родственникамъ сосланныхъ скопцовъ жить въ скопческихъ селеніяхъ. Это распоряженіе устранило одну изъ тягчайшихъ сторонъ скопческой ссылки; но еще важнѣе его значеніе для ни въ чемъ неповинныхъ скопческихъ [illegible] ссылки дѣтей [illegible] міра. Не отвергая [illegible] случаевъ, когда

дѣтей калѣчили изъ чисто-религіознаго рвенія, я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь поставить вопросъ: не скопили ли дѣтей ради того, чтобы не разлучаться съ ними? Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно ближе ознакомиться съ исторіей отношенія закона и администраціи къ семейному началу у скопцовъ.

Карая вообще за принадлежность къ скопческой сектѣ, законъ и администрація до 1898 г. выказывали замѣчательную предупредительность по отношенію къ одному изъ пунктовъ скопческаго ученія,—къ отрицанію семьи. У скопцовъ, по закону, нѣтъ семействъ; всѣ они одиночки. Предположимъ, что въ секту вступаютъ мужъ, жена и взрослыя дѣти. Какъ ни отрицай семью въ принципѣ, но голосъ крови и постоянная совмѣстная жизнь устанавливаютъ между этими лицами такую нравственную связь, которой нельзя уничтожить никакими принципіальными отрицаніями. Сами скопцы, вообще называющіе другъ друга братьями и сестрами, употребляютъ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ слова: сынъ, дочь, отецъ, мать и проч. Слово „дядя" я встрѣтилъ даже на одномъ изъ могильныхъ крестовъ скопческаго кладбища. Отсюда получалось такое противорѣчіе: отрицатели семьи чтутъ узы крови и стремятся къ единенію, а защитники семейнаго начала не только игнорировали, но часто и разрушали семейную связь безъ особенно серьезныхъ мотивовъ.

При основаніи скопческихъ поселеній были избраны пункты за сотни верстъ одинъ отъ другого. При распредѣленіи по пунктамъ родственныя связи игнорировались. Принявъ во вниманіе, что скопцамъ навсегда и безусловно запрещались отлучки даже на десятки верстъ, становится яснымъ, что члены семействъ разлучались такимъ образомъ на всю жизнь. Конечно, родственники, попавшіе въ разные пункты, тотчасъ начали подавать просьбы о перечисленіи. Такъ, въ 1863 году, Степанида Маркова (по мужу Зуева), поселенная въ Якутскомъ округѣ, проситъ о своемъ перечисленіи къ мужу въ с. Спасское, Олекминскаго округа. Подобныя просьбы удовлетворялись: скопческія селенія не были еще окончательно устроены. Но Зуева была одной изъ послѣднихъ, получившихъ переводъ. Въ ноябрѣ того же года Трохимовъ проситъ о переводѣ къ отцу и получаетъ отказъ: переводъ не былъ разрѣшенъ „за окончательнымъ распредѣленіемъ скопцовъ по области". Такимъ образомъ всѣ, опоздавшіе подать прошеніе, были отрѣзаны отъ родственниковъ.

Отрицаніе семейной связи у скопцовъ выразилось и въ одномъ распоряженіи общаго характера. Якутское областное правленіе предлагало образовать изъ скопцовъ два общества—Олекминское и Якутское, съ избраніемъ старостъ изъ ихъ среды. Главное Управленіе Восточной Сибири отвѣтило на это (журналъ 28 авг. 1863 г., № 4), что раздѣленіе скопцовъ на общества неудобно, „ибо общества составляются изъ семействъ, а скопцы семействъ не имѣютъ".

Въ 1865 году олекминскій исправникъ выслалъ изъ Олекминскаго округа въ Якутскій Терентія Трофимова, не обращая вниманія на то, что въ Олекминскомъ округѣ у высланнаго остался дряхлый, больной отецъ. Поводъ къ высылкѣ былъ, очевидно, ничтожный, потому что гу-

бернаторъ вернулъ Трофимова домой. Въ 1872 г. исправникъ оставилъ въ Олекминскомъ округѣ Захарову, просившую о поселеніи ея совмѣстно съ дядей. Узнавъ объ этомъ, губернаторъ распорядился: Захарову немедленно выслать въ Якутскъ и впредь не осмѣливаться задерживать въ Олекминскомъ округѣ ни одного ссыльнаго скопца.

Министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1865 г., между прочимъ, писалъ генералъ-губернатору, что такъ какъ условія семейной жизни среди скопцовъ не могутъ имѣть значенія и такъ какъ женщины являются вообще самыми горячими прозелитками секты, то полезно было бы назначать для скопчихъ особую мѣстность, вдали отъ поселковъ мужчинъ (Ал. Бычковъ, стр. 11). Ген.-губернаторъ распорядился: селить женщинъ-скопчихъ вдали отъ поселковъ мужчинъ. Вслѣдствіе этого якутскій губернаторъ всѣхъ ссыльныхъ скопчихъ, исключая уже оскопленныхъ законныхъ женъ, отдѣлить отъ мужчинъ и поселить ихъ среди крестьянъ или между якутами, съ воспрещеніемъ какихъ бы то ни было отлучекъ. Эта мѣра, кажется, на дѣлѣ не была проведена въ исполненіе.

Въ 1874 г. скопецъ Бочаровъ безуспѣшно проситъ о поселеніи съ нимъ племянника. Въ томъ же году новоприбывшая Марія Кузьмина проситъ оставить ее въ Олекминскомъ округѣ, гдѣ уже живетъ ея отецъ; генералъ-губернаторъ разрѣшилъ только временную остановку. Въ 1876 г. Сергѣевъ просилъ о переводѣ къ родному брату,— отказъ. Въ 1878 году Ив. Новиковъ проситъ объ оставленіи въ с. Спасскомъ племянника; губернаторъ отказываетъ на томъ основаніи, что новыя причисленія въ Спасское, какъ находящееся вблизи города, запрещены генералъ-губернаторомъ; тогда Новиковъ сталъ просить объ оставленіи племянника хотя въ Усть-Чаринскомъ селеніи (40 верстъ отъ города) и все-таки получилъ отказъ, мотивированный „отсутствіемъ уважительныхъ причинъ“. Въ томъ же году послѣдовало разрѣшеніе оставлять въ Олекминскомъ округѣ вновь прибывшихъ мужей, женъ, родителей и дѣтей; исправникъ оставилъ сестеръ и получилъ за это выговоръ съ приказомъ: сестеръ сейчасъ же отправить въ Якутскъ, а братьямъ предложить просить объ ихъ возвращеніи.

Что касается с. Спасскаго, то здѣсь въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ не разрѣшалось оставлять даже ближайшихъ родственниковъ. Назару Попову было отказано въ оставленіи его жены, которой предложено, однако, поселиться въ с. Усть-Чаринскомъ; при запрещеніи отлучекъ это было равносильно запрещенію свиданій на многіе годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, олекминскому полицейскому управленію было предписано не входить болѣе съ представленіями объ оставленіи скопцовъ въ Спасскомъ, хотя бы рѣчь шла о родителяхъ и дѣтяхъ.

Троицкое скопческое селеніе находится въ 15-ти верстахъ отъ Олекминска. Туда просилась къ матери новоприбывшая Варвара Баздырева и получила отказъ съ предложеніемъ, если угодно, поселиться въ с. Усть-Чаринскомъ; такой же отвѣтъ получила новоприбывшая Агафья Шаламова, просившаяся къ мужу. Въ 1881 г. подобный же отказъ въ перечисленіи жены получилъ Ѳеодоръ Бороконскій. Въ [illegible] г. спасскіе скопцы Харитонъ

Павловъ и Назаръ Поповъ просятъ о переводѣ ихъ женъ, а Надежда Алексѣева о переводѣ мужа. Губернаторъ отвѣчалъ: „усматривая, что жены первыхъ и мужъ послѣдней дѣйствительно находятся на причисленіи въ Иллюнскомъ, Чарнискомъ и Троицкомъ селеніяхъ, поручить Олекминскому исправнику, *если ходатайство просителей заслуживаетъ удовлетворенія* (курсивъ мой), то перевести въ Спасское селеніе". Въ 1892 году Ѳедоръ и Григ. Зыбаревы просили о переводѣ изъ Спасскаго къ родственникамъ въ Мархинское; отказъ, „въ виду неимѣнія къ тому уважительныхъ причинъ и законныхъ поводовъ".

Если не могутъ заглушить въ себѣ чувство родственной привязанности лица, примкнувшія къ сектѣ, то еще менѣе можно требовать этого отъ членовъ ихъ семействъ. Между тѣмъ, до 1898 года администрація не желала признавать и за ними права имѣть родственныя чувства.

Въ 1838 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ, согласно которому неоскопленнымъ членамъ семействъ скопцовъ, ссылаемыхъ въ Закавказье, запрещалось переселяться за осужденными. Какъ исполнялось это правило въ Сибири въ дореформенную эпоху,—я не знаю. Но съ отмѣной крѣпостного права создалась нѣкоторая свобода передвиженія, и слѣдить за исполненіемъ правила 1838 года стало трудно. Естественно, что въ скопческихъ селеніяхъ Якутской области скоро появились не-ссыльные члены семействъ. Кромѣ того, съ родителями добровольно приходили иногда дѣти, хотя и оскопленныя, но не приговоренныя къ ссылкѣ. Казалось бы, что, не будучи ограничены въ правахъ по суду, члены скопческихъ семействъ должны были пользоваться всѣми правами по своему сословію.

Общаго вопроса о добровольныхъ членахъ семействъ не поднималось до 1872 г., когда грянулъ громъ вслѣдствіе оскопленія въ Олекминскомъ округѣ, въ семействѣ Григорія Новикова, четырнадцатилѣтняго сына Ивана. Виновные, конечно, были наказаны. Въ то же время рѣшено было принять общія мѣры для предупрежденія подобныхъ случаевъ. Среди осужденныхъ за принадлежность къ сектѣ попадаются люди неоскопленные. Генералъ-губернаторъ потребовалъ, чтобы—ни въ пути, ни на мѣстѣ ссылки—оскопленныхъ не соединять съ неоскопленными. Затѣмъ, указомъ 25 сент. 1872 г., предписано отобрать отъ скопцовъ всѣхъ дѣтей и поселить ихъ среди коренныхъ жителей. Въ силу этого указа, напр., у Герасима Шмырова были отобраны дѣти 12 и 14 лѣтъ: отца обязали обезпечить ихъ содержаніе; когда же Шмыровъ попросилъ разрѣшенія перенести домъ туда, гдѣ были поселены жена и дѣти, то ему въ этомъ отказали. Только въ 1876 г. обѣ дочери—Матрена и Наталья — были возвращены Шмырову.

Въ какомъ положеніи оказались отдаленные члены семействъ, можно видѣть изъ примѣра Авдотьи Васильевой, которая съ двумя малолѣтними дѣтьми вынуждена была просить подаяніе и, наконецъ, обратилась къ начальству съ мольбой, „хотя бы изъ сострацанія къ человѣчеству", отправить ее съ дѣтьми этапнымъ порядкомъ на родину въ Курскую губернію. Всѣхъ женщинъ и дѣ-

тей въ Олекминскомъ округѣ, по моимъ свѣдѣніямъ, было выселено десять человѣкъ. На самомъ дѣлѣ подлежало выселенію изъ скопческихъ селеній значительно большее число лицъ [1]...

Областная администрація вскорѣ какъ будто совершенно забыла про свое распоряженіе объ отдѣленіи неоскопленныхъ. По крайней мѣрѣ, въ 1878 г. изъ Якутскаго областного правленія послѣдовалъ запросъ Олекминскому исправнику (6 апр., № 1186): „по какому распоряженію неоскопленные скопцы и скопчихи отдѣлены отъ скопческихъ семействъ и причислены къ крестьянскому обществу?.. Съ чьего разрѣшенія скопчиха Матрена Шмырова вышла замужъ?“ Исправникъ отвѣчалъ: „Отдѣлены на основаніи указа 1872 года, № 2835... Матрена Шмырова вышла замужъ съ разрѣшенія (!) Олекминскаго окружнаго полицейскаго управленія, потому что не оскоплена и не придерживается ереси“. Тогда областное правленіе разъясняетъ, что указъ 1872 г. ничего не говоритъ о томъ, чтобы неоскопленные члены семействъ, сосланные по суду за принадлежность къ ереси, могли быть отдѣлены и причислены къ крестьянамъ.

Во всякомъ случаѣ на долю неоскопленныхъ членовъ семействъ выпадало въ былое время не меньше мытарствъ, чѣмъ на долю оскопленныхъ. Свѣдѣнія объ этомъ доходили, конечно, до сектантовъ, остававшихся въ Россіи и рисковавшихъ всякую минуту попасть на скамью подсудимыхъ. Какъ должны были поступать, въ виду вѣстей изъ Якутской области, россійскіе скопцы, не желавшіе разлучаться съ дѣтьми?

Случалось, по недосмотру ли тюремнаго начальства или по его послабленію, что неоскопленныя дѣти шли этапомъ въ Сибирь вмѣстѣ съ родителями, но въ пути наталкивались на начальниковъ, несклонныхъ къ послабленіямъ. Такой случай былъ съ однимъ извѣстнымъ мнѣ скопческимъ семействомъ. Въ Тюмени двѣ дочери (12 и 8 лѣтъ) были отдѣлены отъ родителей. Что дѣлать? Опытъ и законъ указывали прямой выходъ—оскопленіе отдѣленныхъ дѣвочекъ. Старшая нанесла себѣ требуемыя закономъ поврежденія, подверглась осужденію и соединилась съ родителями; младшая не рѣшилась калѣчить себя и до совершеннолѣтія мыкала горе среди чужихъ людей. Кто же въ концѣ концовъ долженъ считаться истиннымъ виновникомъ массоваго оскопленія дѣтей? Во всякомъ случаѣ опытъ и логика показываютъ, что суровостью преслѣдованій это зло не уничтожается, а усиливается.

Среди добровольно прибывшихъ въ мѣсто ссылки членовъ семействъ попадаются и оскопленныя, но неприговоренныя къ ссылкѣ дѣти. На ихъ долю тоже выпадало не мало мытарствъ.

Андрей Шабановъ, какъ малолѣтній, былъ приговоренъ Самарскимъ окружнымъ судомъ не къ ссылкѣ, а къ тюремному заключенію на 3 г. 4 мѣс. съ водвореніемъ затѣмъ на мѣсто первоначальнаго жительства. Шабановъ добровольно послѣдовалъ за родителями въ Якутскую область.

---

[1] По преданію, такса за невыселеніе опредѣлялась въ 50 руб.

Здѣсь онъ подаетъ прошеніе о причисленіи къ крестьянскому обществу. Областное правленіе усмотрѣло, что Шабановъ не досидѣлъ въ тюрьмѣ 6 мѣсяцевъ, и въ отвѣтъ на прошеніе распорядилось: просителя отправить по этапу въ Якутскъ (656 верстъ), продержать въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ и въ просьбѣ о причисленіи въ крестьяне отказать. Нежданно-негаданно отдежуривъ полгода въ тюрьмѣ, Шабановъ обращается съ просьбами о причисленіи въ высшія инстанціи, всюду получаетъ отказъ, подаетъ, наконецъ, прошеніе на Высочайшее имя. Только послѣ этого, получивъ приказаніе пересмотрѣть дѣло, областное правленіе приписываетъ (въ 1877 г.) Шабанова въ крестьяне.

Въ 1878 г. Шабановъ просилъ генералъ-губернатора о разрѣшеніи отлучекъ, о сложеніи надзора и о дозволеніи начать торговлю. Послѣдовалъ запросъ о поведеніи просителя. Полицейское управленіе отвѣтило, что А. Шабановъ поведенія безупречнаго; мѣстное православное духовенство прибавило, что Шабановъ участвуетъ въ церковномъ хорѣ и усерденъ къ храму. Несмотря на такіе отзывы, въ просьбѣ отказано. Тѣмъ не менѣе Шабанову, какъ крестьянину, удается въ 1880 г. выбраться въ Иркутскъ. Тотчасъ слѣдуетъ запросъ: кто его уволилъ? Крестьянская мірская изба отвѣчаетъ, что Шабановъ не былъ увольняемъ по билету, а данъ ему на основаніи закона увольнительный приговоръ отъ общества, такъ какъ въ указѣ о его причисленіи не упомянуто о томъ, что Шабановъ не имѣетъ права перечисленія. Областное правленіе вернуло Шабанова въ Якутскую область.

Въ 1882 г., представляя удостовѣреніе о бытности у исповѣди и причастія, Андрей Шабановъ вновь безуспѣшно проситъ о снятіи надзора и о разрѣшеніи заняться торговлей.

Въ 1884 г. Евдокія Шабанова съ сыновьями Андреемъ и Іосифомъ причисляется въ иркутскіе мѣщане. Якутское областное правленіе потребовало отмѣны причисленія Андрея Шабанова въ мѣщане и высылки его обратно въ Якутскую область.

Тогда Андрей Шабановъ изъявилъ желаніе вернуться на родину и получилъ отказъ.

Въ общемъ Андрею Шабанову понадобилось ровно 20 лѣтъ непрерывныхъ хлопотъ и расходовъ, чтобы добиться возвращенія правъ, которыхъ онъ никогда не былъ лишенъ судомъ. Двадцать лѣтъ ссылки безъ судебнаго приговора, по недоразумѣнію!

Не менѣе интересенъ и второй изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ.

Гавріилъ Меньшенинъ оскопленъ въ такомъ раннемъ возрастѣ, что не былъ даже судимъ и числился православнымъ. Въ 1876 году онъ пріѣхалъ къ отцу въ Якутскую область, въ 1891 году подалъ прошеніе о причисленіи въ крестьяне Спасскаго скопческаго селенія, гдѣ жилъ его отецъ. Областное правленіе, основываясь на правилѣ, запрещающемъ православнымъ жить въ скопческихъ селеніяхъ, отказало Меньшенину и въ то же время предписало выселить его изъ Спасскаго въ мѣстность, отдаленную отъ скопческихъ селеній. Лишившись возможности жить съ отцомъ за то, что не прим-

кнулъ къ скопческой сектѣ, Меньшенинъ подалъ прошеніе о возвращеніи на родину. Тогда областное правленіе нашло, что Гавріилъ Меньшенинъ не православный, а скопецъ (что доказывается фактомъ оскопленія), и выѣхать ему на родину не разрѣшило. Скопецъ и не скопецъ, православный и неправославный въ одно и то же время, Меньшенинъ хочетъ поѣхать въ Якутскъ, чтобы тамъ приписаться въ мѣщане,—отказъ. Начинаются хлопоты. Въ 1895 г. (26 іюня, № 474), наконецъ, министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что „въ виду хорошаго поведенія и особыхъ обстоятельствъ при оскопленіи“ Меньшенину можетъ быть дано разрѣшеніе вернуться на родину въ Златоустъ, съ тѣмъ, однако, чтобы тамъ за нимъ былъ учрежденъ строгій полицейскій надзоръ. Еще нѣсколько лѣтъ хлопотъ,—и, наконецъ, Меньшенину возвращаются всѣ права, которыхъ онъ никогда не былъ лишенъ.

Въ то время какъ однихъ не выпускали изъ Якутской области, другихъ не впускали въ нее.

Въ 1899 году молодой скопецъ Скрипка, по малолѣтству не отправленный въ ссылку, самъ поѣхалъ въ Якутскую область для свиданія съ сосланной матерью. Онъ доѣхалъ до Якутска, готовился выѣхать въ селеніе, но былъ арестованъ, лишенъ паспорта и по проходному виду высланъ обратно въ Таврическую губернію. Мать жаловалась губернатору, который отмѣнилъ распоряженіе полиціи. Но было уже поздно: Скрипка былъ такъ потрясенъ, что впалъ въ тихое умопомѣшательство и кончилъ жизнь самоубійствомъ. (См. „Сибирская Жизнь“ 1900 г., № 248, фельетонъ, а также брошюру Гурьева, стр. 75).

Петербургскій купецъ, скопецъ Іевлевъ пожелалъ навѣстить родного брата; съ нимъ былъ паспортъ; онъ доѣхалъ до Якутска, но въ Мархинское селеніе (8 верстъ) его не пустили. То же произошло бы и съ купцомъ Добрицкимъ, если бы онъ не запасся особымъ разрѣшеніемъ отъ генералъ-губернатора (Гурьевъ, стр. 75—76). Въ концѣ концовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что физическіе скопцы (православные), какъ лица полноправныя, ни въ какихъ особыхъ разрѣшеніяхъ для разъѣзда по Россіи и Сибири не нуждаются (Гурьевъ, стр. 78).

VI.

— Не послужитъ ли пребываніе скопцовъ въ Якутской области толчкомъ къ распространенію секты среди коренного населенія?—поставило вопросъ гражданское начальство, собираясь переселить сюда скопцовъ изъ Туруханскаго края.

— Нѣтъ основаній къ подобнымъ опасеніямъ,—отвѣчало высшее духовенство области. Тѣмъ не менѣе оно обѣщало на всякій случай составить и разослать по церквамъ особое поученіе въ опроверженіе скопческой ереси. Я не знаю, было ли исполнено это обѣщаніе: о немъ не сохранилось въ населеніи никакого воспоминанія.

По прибытіи скопцовъ, архіепископъ камчатскій Инокентій тотчасъ пожелалъ лично говорить съ кѣмъ-нибудь

изъ нихъ. Наиболѣе начитаннымъ и смѣлымъ оказался скопецъ Кокоревъ. Заручившись увѣреніемъ, что не подвергнется новому преслѣдованію за исповѣданіе своего вѣрованія, Кокоревъ говорилъ, не стѣсняясь. Существуетъ преданіе, что эти бесѣды иногда переходили въ горячій споръ.

Сообщая въ синодъ о скопцахъ и ихъ вѣрованіяхъ, архіепископъ Иннокентій высказалъ мнѣніе, что не слѣдуетъ допускать скопцовъ къ исповѣди и причастію и вообще къ посѣщенію церкви, что не слѣдуетъ также принимать отъ скопцовъ приношенія на церковь. Синодъ согласился съ предложеніемъ архіепископа (указъ синода 1862 г., № 4802),—и скопцы, пытавшіеся проникнуть на богослуженіе, удалялись изъ церкви мѣрами полиціи. Въ настоящее время этотъ указъ забытъ. Одно духовное лицо, съ которымъ мнѣ пришлось разговаривать, высказало даже недовѣріе къ возможности существованія такого указа; по его словамъ, только присутствіе на литургіи вѣрныхъ могло быть запрещено; запрещеніе же посѣщать церковь вообще будто бы даже не канонично. Въ настоящее время многіе скопцы бываютъ на богослуженіи.

Въ Олекминскомъ округѣ отношеніе духовенства къ скопцамъ выразилось въ надзорѣ и въ требованіи внѣшняго чинопочитанія. Городской священникъ обязалъ скопцовъ снимать передъ нимъ шапку. За неисполненіе виновные подвергались аресту при казачьемъ караульномъ домѣ. Такъ продолжалось до ссоры священника съ однимъ изъ исправниковъ; послѣ ссоры исправникъ отдалъ казакамъ приказъ не трогать скопцовъ по требованію священника, и поклоны постепенно вышли изъ употребленія.

Надзоръ духовенства носилъ случайный характеръ. Напримѣръ, въ 1869 г. священникъ донесъ исправнику, что скопецъ-ямщикъ Петръ Слащевъ называлъ главнымъ учителемъ въ Иллюнскомъ селеніи Елисея Филиппыча и признавался, что принялъ здѣсь вторичное оскопленіе. На допросѣ Слащевъ показ[illegible]тъ, что былъ пьянъ и ничего не помнитъ. Онъ былъ освидѣтельствованъ; знаковъ или рубцовъ новаго оскопленія не найдено. Рѣшено: дѣло прекратить, а за Елисеемъ Филипповымъ имѣть наблюденіе.

Что касается гражданскаго начальства, то оно не наблюдало ни одного случая распространенія скопчества. Болѣе того: былъ случай, когда скопцы называли человѣка членомъ своей секты, а исправникъ отрицалъ этотъ фактъ. Въ 1864 г. исправникъ предписывалъ старшинѣ скопцовъ:

„Нѣкоторые скопцы Спасскаго селенія распустили слухъ, что Тюменская мѣщанка Анна Гавазина, проживающая въ г. Олекминскѣ, принадлежитъ къ скопческой сектѣ. По ея добровольному согласію и для прекращенія фальшивыхъ слуховъ, Гавазина 21 октября была освидѣтельствована въ присутствіи Олекминскаго окружнаго полицейскаго управленія, и оказалось, что слухи эти совершенно ложны. Давая тебѣ знать объ этомъ, предписываю строго внушить скопцамъ, чтобы они не смѣли распространять слухи, оскорбляющіе честь Гавазиной, и если кто-либо будетъ въ томъ уличенъ, то я буду про-

сить начальство о переселеніи такого негодяя изъ вилюйннаго округа. Окружный исправникъ [illegible] (24 октября, № 116).

Въ 1882 г. получился анонимный доносъ на скопца Мигачева, какъ на распространителя секты. Дознаніемъ доносъ не подтвердился. За 21 годъ пребыванія въ округѣ скопцовъ полиціи сталъ извѣстенъ только [illegible] оскопленія [illegible] населенію. Этотъ случай не имѣлъ религіозной подкладки: инородецъ Малышевъ произвелъ надъ собою оскопленіе въ припадкѣ бѣлой горячки. Полиція пришла къ заключенію, что анонимный доносъ на Мигачева писанъ изъ мести кѣмъ-то изъ скопцовъ же. Полиція добавляла, что распространеніе ереси и вообще невозможно, такъ какъ въ населеніи не проявляется никакого сочувствія къ скопчеству; напротивъ, часть самихъ скопцовъ находится въ раскаяніи и ежегодно переходитъ въ православіе.

Въ 1865 году въ одномъ изъ указовъ генералъ-губернатора было высказано убѣжденіе, что образцовое хозяйство скопцовъ послужитъ къ улучшенію хозяйства коренныхъ жителей, которые нанимаются къ скопцамъ. Въ то же время продолжало существовать опасеніе, что сношенія скопцовъ съ кореннымъ населеніемъ поведутъ къ распространенію секты. Полиція попала между двухъ огней: она должна была одновременно подтверждать благотворное вліяніе скопцовъ и отсутствіе возможности всякаго вреднаго вліянія. Это затруднительное положеніе бросается въ глаза при чтеніи годового отчета за 1865 г. Въ немъ сказано: „Крестьяне-якуты, не имѣя рѣшительно никакихъ отношеній со скопцами, пользуются ихъ опытностью въ дѣлѣ хозяйства". Все обстояло благополучно, только логика страдала: мудрено пользоваться опытностью людей, съ которыми не имѣешь рѣшительно никакихъ отношеній. Противорѣчіе не давало покоя самимъ авторамъ отчетовъ. Три года искали выхода и, наконецъ, остановились на слѣдующей формулѣ: „Крестьяне и якуты, не имѣя ничего общаго со скопцами, не упускаютъ случая воспользоваться опытностью ихъ въ сельскомъ хозяйствѣ". Въ отчетахъ эта фраза стала повторяться стереотипно.

Не такъ благополучно обстояло дѣло съ членами скопческихъ семействъ, добровольно пришедшими въ ссылку. Въ 1872 г. оскопленъ сынъ скопца Григорія Новикова, Иванъ Новиковъ, 14 лѣтъ; въ 1873 г.—дѣвушка Екатерина Сабдина, 24 лѣтъ. Надзоръ за тѣмъ, чтобы члены семействъ не подвергались оскопленію, выражался въ формѣ простой и грубой: производилось поголовное медицинское освидѣтельствованіе. Такъ, въ 1879 г. (4 августа, № 25) окружный фельдшеръ вытребовалъ для освидѣтельствованія всѣхъ неоскопленныхъ членовъ скопческихъ семействъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. То же повторялось и въ послѣдующіе годы. Бывали случаи дополнительнаго оскопленія лицъ, уже осужденныхъ. Въ 1880 г., по дошедшимъ слухамъ, полиція явилась въ домъ скопца Шаламова и нашла его жену въ такомъ положеніи: обѣ груди глубоко вырѣзаны, покрыты тряпками съ коровьимъ масломъ, [illegible] вати и на полу кровь. [illegible] сказала, что оскопилась

шесть лѣтъ назадъ; ея мужъ,—что ничего не знаетъ. Исходъ этого дѣла мнѣ неизвѣстенъ. Кажется, случаи дополнительнаго оскопленія сосланныхъ скопцовъ вообще не рѣдкость.

Распоряженія духовнаго и гражданскаго начальства нерѣдко противорѣчили другъ другу. Духовенство смотрѣло на скопцовъ, какъ на отщепенцевъ, недостойныхъ даже допущенія на богослуженіе. А гражданское начальство, случалось, отправляло скопца въ ссылку „съ предоставленіемъ за уклоненіе отъ святаго причастія епархіальному начальству для увѣщанія и поступленія съ нимъ по правиламъ церковнымъ“. (Статейный списокъ Василія Дмитріевича Моисеева и нѣкоторыхъ другихъ) Точно такъ же гражданское начальство продолжало считать лютеранами скопцовъ, когда-то принадлежавшихъ къ евангелическо-лютеранскому вѣроисповѣданію. Олекминское окружное полицейское управленіе предписывало: „Вслѣдствіе отношенія дивизіоннаго евангелическо-лютеранскаго пастора отъ 17 сего іюня, № 79, поручаю старшинѣ скопцовъ немедленно распорядиться, чтобы всѣ проживающіе здѣсь скопцы лютеранскаго исповѣданія приготовились къ исполненію требъ по своему исповѣданію къ 5 числу іюля и непремѣнно явились безъ всякаго замедленія къ пастору для богослуженія“ (1869 года 21 іюня, № 67).

Православная церковь не допускала скопцовъ въ свои храмы. Казалось бы, что если люди признаны отщепенцами государственной религіи, если ихъ осудили и изолировали, то никому, а тѣмъ менѣе гражданской власти, нѣтъ ни смысла, ни надобности мѣшать сектантамъ быть сектантами. Казалось бы, что въ ссылкѣ скопцы не должны были подвергаться преслѣдованію за молитву по своему обряду: вѣдь, съ точки зрѣнія вѣрующаго, какой бы то ни было культъ лучше, чѣмъ отсутствіе всякаго культа. Не такъ смотрѣли на дѣло мѣстные представители духовнаго и гражданскаго вѣдомства. Тайныя скопческія молитвенныя собранія выслѣживались, собравшихся на молитву сѣкли. Такъ, въ 1867 г. (исправникъ баронъ Майдель, губернаторъ Штубендорфъ) были наказаны розгами 65-лѣтніе старики Дмитрій Ивановичъ Терновскій и Иванъ Рымаревъ. При этомъ были отобраны скопческіе стихи. Священникъ вытребовалъ къ себѣ для увѣщанія всѣхъ, захваченныхъ на молитвѣ. Онъ сталъ читать вслухъ стихи и дѣлать замѣчанія. Скопцы молчали.

— Духа святого съ неба скатающа,—читалъ священникъ и спросилъ:—Что онъ, яйцо что ли?

— Не скатающа, такъ сходяща,—возразилъ молодой скопецъ Трохименко.—Вы тоже призываете его, когда составляете св. тайны.

За это возраженіе Трохименко былъ признанъ зачинщикомъ. Не въ примѣръ прочимъ, его сѣкли комлями (толстыми концами розогъ); послѣ наказанія скопцы цѣлую недѣлю водили его ежедневно въ баню и вынимали занозы; затѣмъ онъ былъ высланъ въ отдаленное селеніе [illegible] округа. Позже Трохименко былъ возвра[illegible]

Въ настоящее время скопцовъ не выслѣживаютъ и не ловятъ. Но по старой памяти мѣсто и время ихъ молитвенныхъ собраній держится въ глубокой тайнѣ.

На поверхностнаго наблюдателя скопцы производятъ впечатлѣніе людей, цѣликомъ ушедшихъ въ матеріальные расчеты. Майновъ пишетъ: „Религіозную подкладку распри сектантовъ имѣютъ только въ одномъ селеніи, гдѣ двое начетчиковъ, различно толкуя тексты, ищутъ разрѣшенія богословскаго спора у чиновъ окружной полиціи.—„Если братъ N говоритъ истину, — настаиваетъ въ своихъ доносахъ одинъ изъ противниковъ,—то пусть же прекратитъ гоненіе, ибо истина тогда-то и возсіяетъ". Майновъ называетъ обоихъ начетчиковъ „почти несомнѣнно тронутыми фанатиками". О всѣхъ же вообще жителяхъ-скопцахъ этого глухого селенія Майновъ говоритъ: „Мы видѣли передъ собою странную, истерическую толпу: ребяческая смѣшливость, безпричинная восторженность, у многихъ порывистость и неестественная живость движеній, у нѣкоторыхъ неудержимая склонность къ шутовству и ризмачеству. Въ общемъ, такія черты производили впечатлѣніе коллективнаго психоза совершенно средневѣковаго характера".

Вѣроятно, Майновъ имѣлъ въ виду, говоря о распряхъ скопцовъ, только коллективныя распри и не отрицалъ наличности индивидуальной работы мысли надъ религіозными вопросами. Такая работа, несомнѣнно, существуетъ, и результатомъ ея является большое разнообразіе въ оттѣнкахъ міросозерцанія ссыльныхъ скопцовъ.

Я скажу только нѣсколько словъ объ индифферентистахъ, о свободомыслящихъ, о сектахъ въ сектѣ, и затѣмъ подробнѣе остановлюсь на вопросѣ о переходѣ *) или возвращеніи скопцовъ въ православіе.

Перебирая въ памяти знакомыхъ скопцовъ, я мысленно отмѣчаю немногихъ, для которыхъ вопросы міросозерцанія, повидимому, не имѣютъ значенія. Они ненавидятъ скопцовъ и ненавидимы ими. Они не очень стѣсняются разсказывать скопческія тайны, окрашивая ихъ субъективнымъ цвѣтомъ своей ненависти. По причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, эти лица формально остаются членами секты, къ которой давно не принадлежатъ; на молитвенныя собранія они, конечно, уже не допускаются. Будучи освобождены изъ тисковъ, въ которые зажаты всѣ вообще скопцы, индифферентисты могли бы стать спокойнымъ, трудовымъ элементомъ населенія. Оставаясь поневолѣ въ скопческомъ селеніи, гдѣ все ихъ раздражаетъ, все напоминаетъ о пожизненномъ гоненіи за кратковременное увлеченіе, эти люди постоянно нервничаютъ. Они не прочь нагадить скопцамъ доносами, но не чувствуютъ симпатіи и къ представителямъ того строя, который такъ жестоко караетъ ихъ. Въ злобныхъ сплетняхъ и судебномъ кляузничествѣ ищутъ они исхода своему раздраженію.

Категорія религіозно-свободомыслящихъ рекрутируется, насколько я замѣтилъ, главнымъ образомъ, изъ лицъ, оскопленныхъ и осужденныхъ въ дѣтствѣ. Этапы и ссылка

---

*) Среди скопцовъ много бывшихъ лютеранъ изъ финляндскихъ уроженцевъ

дали тяжелыя работы [illegible]. Они переросли многіе догматы скопческаго вѣроученія, но относятся къ отрицанію этихъ догматовъ съ серьезностью мыслящаго человѣка. Нѣкоторые изъ нихъ много читали и думали на религіозныя и общественныя темы. Ортодоксальные скопцы относятся къ нимъ враждебно, но безъ того презрѣнія, которое чувствуется въ ихъ отношеніи къ индифферентистамъ. Въ общемъ, я думаю, люди этой категоріи больше другихъ страдаютъ душевно отъ вѣчной ссылки и вѣчнаго безправія. Горечь ихъ положенія усугубляется сознаніемъ, что они искалѣчены и сосланы безъ всякой вины съ своей стороны. Имъ, дѣйствительно, есть за что [illegible] возненавидѣть людей. Но многіе изъ нихъ не теряютъ вѣры въ торжество правды и чутко прислушиваются къ отзвукамъ тѣхъ теченій русской общественной жизни, которыя сулятъ торжество вѣротерпимости *). Въ православіе они не могутъ перейти—частью изъ уваженія къ особенностямъ собственнаго міросозерцанія, частью по тѣмъ же внѣшнимъ причинамъ, по которымъ не выходятъ изъ секты индифферентисты. Объ этихъ причинахъ рѣчь впереди.

Секты въ сектѣ, вырастающія на почвѣ условій ссылки, носятъ у скопцовъ чаще мрачный характеръ отрицанія жизни. Объ одной изъ нихъ сохранилась память въ двухъ предписаніяхъ олекминскаго исправника на имя скопческаго старшины 1866 г.

1. „Поручаю тебѣ немедленно объявить всѣмъ скопцамъ на будущее время, если между ними явится кто-либо больнымъ и не будетъ употреблять пищи, чтобы немедленно объявляли тебѣ, а ты, удостовѣрившись въ справедливости сего, обязанъ доносить окружному управленію. Затѣмъ возлагаю на прямую твою обязанность строжайше слѣдить, чтобы скопцы изъ варварскаго фанатизма и жалкаго заблужденія не лишали себя жизни голодомъ, за что наставники такого лжеученія должны подвергаться строгому наказанію по закону“ (1866 г. 26 авг.).

2. „Обязать всѣхъ скопцовъ особою подпиской въ томъ, что они будутъ имѣть наблюденіе другъ за другомъ, и среди нихъ не будетъ допускаемо лжеученія, чтобы для спасенія души морить себя голодомъ до смерти“ **) (1866 г. 26 сент., № 187).

По разсказу скопцовъ, эти предписанія мало помогли, и случаевъ голодной смерти было много.

---

*) По наблюденію Гурьева, „встрѣчается среди скопцовъ не мало личностей, серьезно мыслящихъ, вдумчиво относящихся къ существующимъ ненормальнымъ порядкамъ, искренне желающихъ и стремящихся къ лучшему будущему“ (стр. 46). Тамъ же приведены письма двухъ разочарованныхъ скопцовъ.

**) Одновременно исправникъ требовалъ статейные списки нѣкоторыхъ скопцовъ, повидимому, учителей новой секты. Оказалось, что 1) Вас. [illegible] Моисеевъ — изъ мастеровыхъ 7-го рабочаго [illegible], за самооскопленіе лишенъ медали и всѣхъ правъ, сосланъ въ Туруханскій край съ предоставленіемъ за уклоненіе отъ св. причастія епархіальному начальству для увѣщанія и поступленія съ нимъ по правиламъ [illegible] 2) Елисей Филипповъ, по рѣшенію сената отданъ подъ строгій надзоръ и, какъ скопецъ, [illegible] для того общества [illegible] [illegible] 22 сент. [illegible] [illegible].

Въ 1897 г. въ [illegible] селеніи возникаетъ секта, аналогичная [illegible]. Но основатель ея, Филиппъ Лихачевъ, проповѣдуетъ не голодную смерть, а самоповѣшеніе на крестѣ. Нѣкоторые послѣдователи Лихачева довели до конца его ученіе. Бычковъ разсказываетъ: „Я зналъ этого Лихачева. Онъ былъ наборщикомъ въ якутской областной типографіи, былъ тихимъ, скромнымъ человѣкомъ. Но какъ-то однажды вдругъ, ни съ того, ни сего, его, какъ и всѣхъ другихъ скопцовъ, до того мирно [illegible] въ 1895 г. изъ [illegible] среди скопцовъ, съ тѣхъ поръ сталъ все больше и больше задумываться...“ Любопытно, что администрація [illegible] принять мѣры противъ опасности [illegible] гонимой скопческой секты. Лихачевъ былъ высланъ на крайній сѣверо-востокъ, въ Средне-Колымскъ. Впрочемъ, это не единственный случай принятія свѣтской властью мѣръ для охраны чистоты скопческаго вѣроученія. Особенно же энергично борется администрація противъ опасности перехода скопцовъ въ [illegible].

„Число [illegible], протестующихъ противъ скопчества, [illegible] съ каждымъ годомъ. И только замкнутость въ душной, тѣсной сектантской средѣ служитъ причиною того, что число этихъ протестантовъ не растетъ. [illegible] замкнутой атмосферѣ [illegible] скопческой [illegible] и могутъ проявляться такіе фанатики скопчества, какимъ является Ф. Лихачевъ“ (Ал. Бычковъ, стр. 4). Посмотримъ же, что предпринимаетъ администрація по отношенію къ лицамъ, рѣшившимся перейти изъ скопчества въ православіе.

Уже въ 1863 году, то-есть вскорѣ по прибытіи въ Якутскую область, перешли въ православіе [illegible] Леонтьева, Николай Стефановъ, [illegible] и нѣкоторые другіе. Я видѣлъ распоряженіе относительно Леонтьевой. Полицейское управленіе писало крестьянскому выборному: „въ случаѣ просьбы объ увольненіи въ другія селенія Олекминскаго округа давать ей такое увольненіе, но не иначе какъ на опредѣленный срокъ и съ увѣдомленіемъ [illegible] на предметъ передачи для испытанія въ вѣрѣ тому священнику, въ вѣдѣніе котораго она прибудетъ“. Въ предѣлахъ своей власти окружная полиція не могла сдѣлать для Леонтьевой ничего больше; но то, что она сдѣлала въ этихъ предѣлахъ, вполнѣ отвѣчало требованіямъ справедливости и здраваго смысла. Не такъ взглянуло на дѣло высшее начальство.

Въ томъ же 1863 г. Главное управленіе Восточной Сибири („Журналъ Совѣта“, 28 авг., № 4) высказало, что нельзя раскаявшихся скопцовъ приписывать въ общества мѣщанъ и крестьянъ, „такъ какъ изъ бывшихъ примѣровъ видно, что *раскаяніе этихъ сектантовъ не можетъ быть полное*, и дозволеніе это вызвало бы скопцовъ къ исполненію только внѣшнихъ обрядовъ религіи изъ корыстныхъ видовъ“.

Мы уже видѣли, что защитники семейнаго принципа шли дальше самихъ скопцовъ въ отрицаніи семейнаго начала въ скопческой средѣ. Въ религіозномъ вопросѣ

свѣтскіе защитники православія шагнули еще дальше. Всякій вообще человѣкъ считаетъ свою вѣру самой истинной, имѣющей божественное происхожденіе. Но нѣтъ исповѣданія, адепты котораго считали бы свою вѣру обладательницей сверхъестественной, чудодѣйственной, чисто божественной силы,—силы навѣки приковывать къ себѣ всѣхъ безъ исключенія лицъ, однажды подпавшихъ вліянію ученія. Не приписываютъ своему ученію такой божественной силы и сами скопцы: они знаютъ евангельскую притчу о сѣятелѣ; не признаетъ за скопчествомъ такой чудесной силы и православная церковь: иначе совершеніе таинства крещенія надъ раскаявшимся скопцомъ, какъ надъ завѣдомымъ еретикомъ, было бы кощунствомъ. Одни только свѣтскіе защитники православія увѣровали въ божественную силу скопчества и рѣшаютъ: „раскаяніе этихъ сектантовъ не можетъ быть полнымъ".

„Раскаяніе не можетъ быть полнымъ" — это написано чернымъ по бѣлому въ оффиціальномъ документѣ, обязательномъ къ исполненію. Изложенное въ оффиціальномъ документѣ приходится понимать буквально. Но допустимъ на минуту, что фраза „раскаяніе не можетъ быть полнымъ"—просто неудачное выраженіе; примемъ, что члены Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири не признавали за скопчествомъ чудесной силы; предположимъ, что члены хотѣли только сказать:

— Скопцы позволяютъ себѣ иногда лишь наружно присоединяться къ православію изъ корыстныхъ видовъ *).

Допустимъ, что такіе случаи бываютъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что люди, присоединившіеся искренне, должны нести наказаніе за неискреннихъ? Гдѣ критерій искренности чужой души, если не во внѣшнихъ проявленіяхъ? Если внѣшнее поведеніе человѣка (его слова, моленія, обряды и вся его жизнь) вполнѣ отвѣчаютъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, требованіямъ даннаго вѣроисповѣданія, то какое право имѣемъ мы заподозрѣвать искренность этого человѣка? Тѣмъ болѣе какое право имѣетъ кто бы то ни было карать такого человѣка за тѣ предполагаемыя внутреннія уклоненія отъ вѣры, о которыхъ ни одинъ смертный ничего не можетъ знать? Говорятъ: лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго. По отношенію къ бывшимъ скопцамъ проводится обратный принципъ. Сейчасъ мы увидимъ, въ какія формы облекается проведеніе этого принципа на практикѣ.

Въ 1871 г. послѣдовалъ циркуляръ генералъ-губернатора (15 марта, № 662), въ которомъ говорится: торговля всѣмъ скопцамъ запрещена, и *нѣтъ закона, который бы давалъ преимущества вернувшимся къ православію*... Запрещается жить въ услуженіи у горожанъ, запрещается ремесленникамъ работать въ городѣ, — могутъ служить и работать *только у своихъ единовѣрцевъ*.—У кого же должны служить и работать вернувшіеся къ православію. Кто ихъ единовѣрцы: скопцы или православные? Съ одной стороны, они, конечно, православные и, какъ таковые, удаляются

---

*) Выраженіе „корыстные виды" здѣсь тоже неудачно. Слабость въ исповѣданіи вѣры подъ угрозой гоненіемъ нельзя отожествлять съ преслѣдованіемъ корыстныхъ видовъ.

[illegible] — законъ не даетъ [illegible] преимуществъ, следовательно, не даетъ и права работать у не-скопцовъ. Циркуляръ № 662 даетъ полный право произвольнаго толкованія и рѣшенія по[illegible] [illegible] по сравненію съ правовѣрными скопцами: это — [illegible] скопчества.

Скопцамъ безусловно запрещались отлучки изъ селенія. Въ 1879 г. по отношенію къ желающимъ креститься допущено исключеніе: имъ позволено пріѣзжать въ городъ для принятія обряда крещенія на срокъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. По истеченіи срока, крестившіеся причисляются [illegible] обществу, [illegible]. Въ 1885 г. Якутское областное правленіе указало, что изъ числа крестившихся, Лесникъ, живетъ въ Спасскомъ скопческомъ селеніи, Кузьма въ г. Олекминскѣ, а Герасимъ Шмаревъ и Петръ Слащевъ—въ селѣ Покровскомъ. Предписано: выселить [illegible] этихъ лицъ въ Якутскіе наслеги, находящіеся [illegible] но недалеко отъ церкви. (Указъ 6 ноября 1885 г., № 4028.) Такимъ образомъ за переходъ въ православіе было назначено наказаніе: ссылка изъ благоустроенныхъ скопческихъ селеній въ глухія поселенія полудикихъ инородцевъ. Къ началу 90-хъ годовъ въ Олекминскомъ округѣ числилось 14 скопцовъ, перешедшихъ въ православіе; по официальному свѣдѣнію, они „живутъ по станціямъ и селеніямъ безотлучно, служа работниками у мѣстныхъ жителей".

Время шло. Скопцы обстраивались, расчищали земли, копили деньги. Единовѣрцы присылали изъ Россіи пожертвованія — отъ 4 до 9 тысячъ рублей въ годъ (по даннымъ одной только Якутской почтовой конторы). Богатство скопческихъ селеній стало бросаться въ глаза, даже по сравненію съ городами Якутской области. Гражданская власть продолжала стоять на стражѣ скопчества противъ православія: за переходъ въ православіе она продолжала грозить ссылкой въ отдаленные Якутскіе наслеги и на глухіе станки.

Чѣмъ больше скопческія селенія [illegible], тѣмъ выше [illegible] является [illegible] принявшихъ православіе. Такимъ образомъ въ то самое время, когда жизнь вообще [illegible] тенденцію къ смягченію религіозныхъ гоненій, [illegible] переходъ изъ скопчества въ православіе фактически все болѣе [illegible].

[illegible] обратившихся въ православіе до послѣднихъ мелочей на виду у всѣхъ. Кто хочетъ [illegible] доказательства неискренности этихъ лицъ? За десятки лѣтъ они должны бы были накопиться! Гдѣ же они? Какіе корыстные виды могли преслѣдовать люди, рѣшившіеся обречь себя на ссылку изъ ссылки?

[illegible] „раскаяніе этихъ сектаторовъ не можетъ быть [illegible] они [illegible] внѣшніе обряды только [illegible] — [illegible] небоявшихся ни угрозъ гражданскаго начальства, ни [illegible]-

терiальныхъ лишенiй отъ выхода изъ скопчества. Но въ настоящее время контрастъ между богатыми скопческими деревнями и убогими поселками коренныхъ жителей такъ великъ, угроза ссылкой изъ ссылки такъ внушительна, что нужно имѣть особое мужество, чтобы рѣшиться на выходъ изъ скопческой секты. Поэтому въ сектѣ теперь числится не мало людей, фактически къ ней уже не принадлежащихъ.

Остановлюсь подробно на судьбѣ двухъ знакомыхъ мнѣ с[illegible]овъ, рѣшившихся оставить секту.

Финляндскiй уроженецъ Александръ Юзьма учился въ земледѣльческой школѣ удѣльнаго вѣдомства подъ Петербургомъ. Пылкiй и самолюбивый юноша, онъ отвѣтилъ оскорбленiемъ на оскорбленiе учителя химiи и былъ выброшенъ на мостовую столицы. Работая по мастерскимъ, онъ пустился въ нечистыя развлеченiя, которыя скоро опротивѣли. Въ это время онъ знакомится со скопцами. Половая чистота ихъ жизни прельщаетъ молодого человѣка, мучимаго угрызенiями совѣсти, и Юзьма попадаетъ на скамью подсудимыхъ. Медики-эксперты желали видѣть въ повреждении органовъ разрушительные слѣды болѣзни, но Юзьма, находившiйся въ приподнятомъ настроенiи, отказывается идти на сдѣлку съ совѣстью. Въ серединѣ „эпохи великихъ реформъ" мы встрѣчаемъ его уже заживо погребеннымъ въ одномъ изъ скопческихъ селенiй Якутскаго округа. Здѣсь скоро наступаетъ разочарованiе. Юзьма мечтаетъ о побѣгѣ въ Америку, а въ 1880 г. принимаетъ православiе. Въ 1871 году ему удается перечислиться изъ Якутскаго округа въ Олекминскiй, въ с. Нохтуйское. Это — приленскiй станокъ изъ двухъ десятковъ домовъ: напротивъ селенiя, за рѣкой — Мачинскiя золотопромышленныя резиденцiи. Слесарь, кузнецъ, химикъ, фотографъ, — мастеръ на всѣ руки, — Юзьма перевелся въ с. Нохтуйское въ надеждѣ имѣть заработокъ на резиденцiяхъ; онъ упустилъ изъ виду, что для осужденнаго за скопчество переѣхать за рѣку такъ же невозможно, какъ невозможно перешагнуть черезъ Великiй океанъ.

Въ 1881 г. Юзьма поступаетъ машинистомъ на пароходъ „Лена". Узнавъ объ этомъ, полицiя отбираетъ отъ капитана подписку въ томъ, что онъ немедленно доставитъ своего машиниста на мѣсто его причисленiя. Попытка жить въ г. Олекминскѣ, какъ я упоминалъ, терпитъ крушенiе въ 1883 г. Въ 1885 г. архiерей обращается [illegible] разъѣзды по рѣкѣ Ленѣ. Отъ вице-губернатора послѣдовалъ архiерею отвѣтъ: „За силою 45 ст. XIV т. уст. о пасп. и бѣглыхъ, изд. 1857 г. и ст. 44 того же устава по продолж. 1863 г., на основанiи коихъ выдача паспортовъ скопцамъ для отлучки въ другiя мѣста совершенно воспрещена и исключенiя изъ этого правила для скопцовъ, присоединенныхъ къ православiю, не сдѣлано", — ходатайство архiерея не можетъ быть уважено.

[illegible] Юзьма [illegible] Хо- [illegible] генералъ-губернаторъ гр. Игнатьевъ [illegible] Юзьма [illegible] на- [illegible]

старуха, горбатая дѣвочка-сирота и бойкій мальчуганъ съ умными глазами. Этого мальчика Юзьма, самъ бѣдствовавшій, съумѣлъ пристроить въ миссіонерскую школу (даетъ права учителя). По полу избы бѣгали двѣ прирученныя утки и дикій гусь: Юзьма остался въ душѣ страстнымъ охотникомъ.

— Думаете ли вы куда-нибудь выбраться отсюда? — спросилъ я.

— Развѣ только на гору,—отвѣчалъ старикъ, тяжело кашляя. (На горѣ—православное кладбище.) Ненавидимый скопцами за отступничество, гонимый за порывъ увлеченія, случившійся сорокъ лѣтъ назадъ, Юзьма по временамъ топитъ тоску въ винѣ и тѣмъ приближаетъ моментъ единственно возможнаго освобожденія... на гору.

Другой мой знакомый никогда не былъ оскопленъ и, кажется, даже не принадлежалъ къ скопческой сектѣ. Послушаемъ его самого.

Господи благослови! И помоги мнѣ описать мою страдальческую и неладную жизнь! Въ 1864 и 1865 гг. въ нашемъ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, происходило въ родѣ повальнаго обыска насчетъ сектъ судебнымъ слѣдователемъ Р—скимъ. Кажется, ни одного селенія не миновали. Заявился Р—скій и въ наше селеніе Тимошевку и спрашивалъ волостного голову, писаря и нѣкоторыхъ стариковъ, нѣтъ ли въ селеніи сектантовъ. Ему отвѣтили, что нѣтъ. Слѣдователь спросилъ:

— Нѣтъ ли такихъ, что не ѣдятъ мяса и не пьютъ вина?

— Такихъ много.

— Этихъ-то мнѣ и нужно.

Я былъ допрошенъ первый: почему не ѣмъ мяса и не пью вина! Я нашелъ въ посланіи апостола Павла мѣсто, гдѣ сказано, что лучше не ѣсть мяса и не пить вина. За это слѣдователь записалъ меня распространителемъ секты. Послѣ допроса знакомый купецъ Кондаковъ спросилъ меня:

— Говорятъ, что слѣдователь Р—скій очень пронзителенъ. Правда ли?

— Всякій, имѣющій власть, бываетъ пронзителенъ. Ежели бы я былъ за столомъ, а слѣдователь у порога, то я лучше пронзилъ бы его, чѣмъ онъ меня. А то я говорю ему правду, онъ же и слышать не хочетъ; пишетъ, что ему угодно, да и заставляетъ насильно подписываться.

Эти мои слова купецъ передалъ священнику, священникъ—слѣдователю. Слѣдователь усилилъ на меня зло. Мѣсяца черезъ два онъ опять пріѣхалъ, увидѣлъ меня и говоритъ:

— А, Степанъ Ивановичъ! Давно мы не видѣлись. Поѣдемъ на мою квартиру. Разскажи мнѣ насчетъ священнаго писанія, какъ вы его понимаете.

— Я человѣкъ малограмотный, въ училищѣ не бывалъ и толковать священное писаніе не умѣю. Ежели что скажу, то вамъ не понравится.

— Да, вы химіи (?) не учились, можете по писанію ошибаться.

На столѣ лежала книжка сочиненій Иннокентія Камчатскаго, епископа Курильскаго и Алеутскаго. Я зналъ эту книжку. Тамъ въ четвертой части написано: „Духъ Святой, вселясь въ человѣка, даетъ ему вѣру и свѣтъ; безъ него никто не можетъ имѣть живой, истинной вѣры; безъ просвѣщенія Духа Святого и самый мудрецъ и ученый человѣкъ въ дѣлахъ Божьихъ и его строительствѣ есть совершенный слѣпецъ. Напротивъ того, Духъ Святой и самому неученому и простому человѣку можетъ открыть внутренно и прямо показать дѣла Божіи и можетъ дать ему восчувствовать сладость небеснаго царствія. Человѣкъ, имѣющій въ себѣ Духа Святого, чувствуетъ въ душѣ своей необыкновенный свѣтъ, дотолѣ ему совсѣмъ неизвѣстный“. Едва прочиталъ я эти слова, какъ Р—скій вскочилъ, ударилъ кулакомъ объ столъ и закричалъ на меня, какъ сумасшедшій:

— Этимъ ты и можешь отвращать людей отъ православія!

— Помилуйте, какая же моя причина? Вы говорите: кто не учился химіи, не можетъ читать евангелія, а я прочелъ это въ свое оправданіе.

Черезъ двѣ или три недѣли Р—скій говоритъ мнѣ:

— Тебѣ надо со мной сойтись...

Я впалъ въ раздумье, какъ бы не нажить болѣе бѣды. Потомъ обязали не отлучаться. Пріѣхала коммиссія. Въ коммиссіи было прочитано постановленіе слѣдователя; Р—скій написалъ, будто я покупалъ церковь и распространялъ скопческую ересь, которую я и до сего времени не уважаю. Потребовали, чтобъ я подъ этимъ подписался. Я отвѣтилъ:

— Не могу подписываться, потому что все это неправильно. Кто можетъ доказать, что я говорилъ все это? — Р—скій закричалъ:

— Подписывайся, а то тебѣ будетъ больше бѣды. Будешь жаловаться, если я неправильно обвиняю.

Членъ коммиссіи, священникъ, прибавилъ:

— Покушай мяса, мы тебя освободимъ.

— Поздно! — крикнулъ ему слѣдователь, а мнѣ кричитъ: — [illegible]сывайся!

Я сталъ передъ членами на колѣни и говорилъ такъ:

— Будьте милосердны, заступитесь за меня! Я не подписываюсь, потому что это неправильно.

Они молчатъ. Я дважды повторилъ свою умоляющую просьбу и не добился ни слова. Я заплакалъ, а слѣдователь, какъ разъяренный тигръ, кричитъ: — подписывайся! — Я и подписался. На другой день меня отправили въ острогъ.

Черезъ три мѣсяца выпустили на поруки. Р—скій призвалъ меня и ласково говоритъ:

— Вотъ здѣсь сидитъ свидѣтель того, о чемъ мы будемъ говорить. Послушай меня, и будешь свободенъ.

— Въ чемъ я долженъ васъ послушать?

— Покушай съ нами мяса, выпей рюмку вина, и [illegible] палату *), и ты будешь свободенъ.

— Десять лѣтъ я не ѣмъ мяса и не пью вина. — и поступить иначе мнѣ кажется очень тяжкимъ и стыднымъ. Неужели это почитается боль[illegible]

— Какъ хочешь... Если не покушаешь сейчасъ мяса и не выпьешь вина, то пойдешь въ Сибирь.

— Видно, надо идти за кусокъ мяса и за рюмку вина!

Слѣдователь уперъ глаза въ меня и говоритъ: — Какъ за кусокъ мяса?

— Вы же сейчасъ говорили, что ежели я не покушаю, то пойду въ Сибирь.

Ему сдѣлалось стыдно, лицо его какъ-то исказилось, и онъ сталъ втупикъ. Я не зналъ, что въ это самое время за ширмами на постели лежалъ жандармскій полковникъ. Когда слѣдователь растерялся, онъ закричалъ изъ-за ширмъ.

— Что ты его увѣряешь, такого-сякого! — и началъ ругать меня непечатными словами, то-есть по-матушкѣ. Съ этимъ поруганьемъ я и отправился домой.

Когда отправляли меня въ Сибирь, новый прокуроръ говоритъ:

— Ты, Работяговъ, ссылаешься безъ вины.

— Будьте столь добры, заступитесь за меня!

— Теперь поздно, я одинъ противъ всѣхъ не могу. Ты подавай просьбы изъ Сибири: будешь свободенъ и поблагодаришь меня.

Вотъ и до сего времени я не могу освободиться. Я ужъ не могу и сосчитать, сколько подавалъ просьбъ, а все безъ последствій.

[illegible]

Первоначально Работяговъ былъ поселенъ близъ города, въ Спасскомъ скопческомъ селеніи. Въ 1872 году, какъ неоскопленный (въ наказаніе за неоскопленіе?) Работяговъ выселенъ въ болѣе глухую не-скопческую деревню и въ 1881 году перечисленъ въ крестьяне. Въ ноябрѣ того же года ему удалось получить паспортъ и выѣхать въ Томскъ. Отсюда онъ подалъ прошеніе о разрѣшеніи вернуться на родину. Прошеніе переслано въ Якутское областное правленіе, которое дѣлаетъ запросъ, заслуживаетъ ли проситель возвращенія на родину. Олекминскій благочинный отвѣтилъ, что Работяговъ съ 1872 года аккуратно бывалъ у исповѣди и причастія; Олекминская по-

*) Дѣло происходило до введенія новыхъ судебныхъ учрежденій въ Тверич. губ.

лиція дала заключеніе, что ходатайство о возвращеніи на родину заслуживаетъ уваженія. Получивши эти отзывы, Якутское областное правленіе дѣлаетъ постановленіе: Работягова препроводить по этапу изъ Томска въ Олекминскій округъ и воспретить ему впредь какія бы то ни было отлучки *).

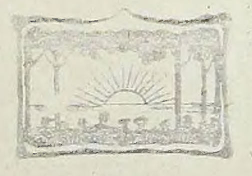
Послѣ того Работяговъ неутомимо подаетъ прошенія одно за другимъ. Результатъ всегда одинъ и тотъ же: дѣлается запросъ мѣстному духовенству и полиціи; духовенство удостовѣряетъ, что проситель—усердный православный; полиція, — что поведеніе безупречно; затѣмъ слѣдуетъ резолюція: прошеніе Работягова оставить безъ послѣдствій.

Въ 1902 или 1903 г. Работяговъ вновь подаетъ прошеніе, къ которому прилагаетъ уже цѣлую кучу удостовѣреній духовенства и полиціи за всѣ тридцать лѣтъ.

Отвѣтъ на этотъ залпъ удостовѣреній мнѣ неизвѣстенъ.

Мнѣ остается только отмѣтить еще одинъ штрихъ, вѣроятно, уже замѣченный читателемъ: разумѣю отношеніе свѣтской власти къ православному духовенству. Изъ разсказа о Кузьмѣ и Работяговѣ видно, что за нихъ свидѣтельствовали или хлопотали духовныя лица, начиная съ простого священника и кончая архіереемъ. Свѣтская власть совершенно игнорировала эти свидѣтельства и ходатайства. Выступая систематически (поскольку рѣчь идетъ о *якутскихъ* скопцахъ) на охрану скопчества противъ православія, свѣтская власть остается только вѣрна самой себѣ, относясь съ полнымъ пренебреженіемъ къ мнѣнію православнаго духовенства. Послѣдовательность, достойная лучшаго примѣненія! Но въ какое положеніе ставитъ она мѣстное православное духовенство въ глазахъ кореннаго православнаго населенія Якутской области?

М. Ольминскій.

*) Я никогда не повѣрилъ бы только-что разсказанной исторіи, если бы самъ не видѣлъ офиціальныхъ документовъ, по которымъ я излагаю дѣло.